
ГЕРМАН САНДОМИРСКИЙ

ЧЕРНЫЕ БЛУЗЫ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА - 1924 - ПЕТРОГРАД

ГЕРМАН САНДОМИРСКИЙ

ЧЕРНЫЕ БЛУЗЫ

(ФАШИЗМ И МОЛОДЕЖЬ)

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА — 1924 — ПЕТРОГРАД

Отпечатано в 1-ой типографии
издательства „Молодая Гвардия“
Петроград, В. О., 5-я линия, 28,
в количестве 6000 экземпляров.
Петрооблит № 9796.

ОТ АВТОРА

О фашизме, который до прошлого года был мало известен в России, понемногу начинает накапливаться литература и у нас.

С. С. С. Р.—единственная страна в мире, свергшая господство капитализма—не может не присматриваться с неослабным вниманием к этой отчаянной попытке предателей рабочего класса, какими по преимуществу являются его вожди, остановить борьбу международного пролетариата за свое освобождение и превратить Италию в оплот мировой реакции. С глубоким волнением присматривается к международному фашистскому движению и наша молодежь, идущая в авангарде рабочего движения России и, следовательно, всего мира. В социальном отношении С. С. С. Р. и Италия в настоящий момент представляют собою антиподов. Каждый успех Советского Союза подрывает устои фашистской диктатуры в Италии. Нет у международного фашизма более страшного врага, чем российская революционная молодежь—авангард рабочего движения всего мира. Ей придется решить судьбу ближайших этапов российской революции, довершить славное дело старшего поколения и, следовательно, нанести смертельный удар международному фашизму, в том числе и мрачной затее Муссолини.

Нужно, чтобы наша революционная молодежь хорошо изучила вражеский стан.

Этой брошюрой я хотел внести скромную лепту в дело ознакомления нашей молодежи с фашистским движением. Я старался дать доступное пониманию подросткающего поколения и, по возможности, исчерпывающее освещение итальянского фашизма.

Другая цель, которую я преследовал этой брошюрой, это — одновременно зажечь в моих читателях ненависть и заслуженное презрение к тем жалким болтунам из рядов мелкобуржуазной интеллигенции, которые, подчиняясь духу времени, вступают со своими низменными, эгоистическими целями в ряды рабочего движения с тем, чтобы затем предать его и внести в его ряды малодушие и разброд. Я верю, что эти примеры отвратительного ренегатства подымят энтузиазм нашей революционной молодежи, помогут ей выработать в себе должную выдержку и умение разбираться в том, кто является другом или врагом трудящихся масс во всем мире.

Революционная молодежь — верный залог победы рабочего класса над фашизмом, который возглавляют ренегаты социализма и поддерживают предатели-реформисты.

Г. С.

Если встретишь в книге непонятное слово—смотри в перечень (в конце книги), где такие слова об'яснены. Переписывай их в особую тетрадку и запоминай!

1. Вместо введения.

Рабочая молодежь Советского Союза, несомненно, имела общее представление об итальянском фашизме еще до момента захвата им государственной власти. Не всем было известно в точности происхождение этого движения или теоретическое обоснование, которое стараются подвести под него его вожди; не все знакомы были с подлинной программой фашизма, но даже из отрывочных сообщений нашей ежедневной прессы молодежи были известны характер и цели этого движения, которое насчитывает в Италии 4-ый год своего официального существования. Независимо от тех или иных деталей, от тех или иных второстепенных черт, фашистское движение справедливо представлялось нашей революционной молодежи, как движение реакционное антикоммунистическое, все силы которого направлены к задержанию социальной революции в Италии и к укреплению капиталистического строя, основой которого является угнетение трудящихся масс.

Но вряд ли даже тем слоям нашей молодежи, которые внимательнее других приглядывались к нарастанию фашистского движения в Италии, было известно о том, какую исключительную роль в рядах итальянского фашизма играет молодежь. Для того, чтобы оценить эту роль, нужно ближе ознакомиться с теорией и практикой этого движения.

С этой ролью мы считаем необходимым познакомить наших читателей раньше, чем ввести их в круг истории всего дви-

жения. Только при этом условии нашим читателям может стать понятной цель настоящей брошюры.

Фашизм—одна из таких грандиознейших проблем современности, знакомство с которой может послужить серьезной помехой в революционной деятельности любого из нас. Нельзя идти в бой, не зная ни силы врага, ни его методов борьбы.

Фашизм—открытый, беспощадный враг коммунизма, враг социальной революции. В самом сердце Европы ему удалось построить (пусть временную и непрочную!) цитадель международной реакции, которая поспешно превращается в „опытное поле“ для реакционеров каждой капиталистической страны, пробить глубокую брешь в той революционной спайке западно-европейских рабочих, которая является вернейшим залогом их победы... Как может революционер—старый или юный, только что ринувшийся в борьбу—не пытаться изучить силу своего заклятого врага, не делать попыток пробиться в крепость мировой реакции.

Наша молодежь должна знать о международном (и, в первую голову, об итальянском) фашизме все, что знают старшие.

Наша попытка написать отдельную брошюру о фашизме для молодежи не должна быть, поэтому, использована, как попытка отделаться „популяризацией“ предмета. Напротив, на мысль о создании отдельной брошюры нас натолкнуло именно соображение о той значительной роли, которую буржуазная и мелкобуржуазная молодежь Италии играет в фашистском движении. Помимо общего знакомства с фашизмом, наша молодежь должна знать об этой исключительной роли.

Италия в настоящее время представляет собою для всего мира опытное поле злейшей капиталистической реакции. С. С. С. Р.—опытное поле революционного коммунизма.

Недалек, быть может, тот час, когда авангардным частям обоих враждующих лагерей придется войти в соприкосновение в новой, решительной схватке за освобождение и счастье трудящихся всего мира. Необходимо, чтобы наш авангард в тому времени изучил все слабые и сильные стороны противника.

2. Фашизм—движение „физической силы и молодости“.

Так, по крайней мере, утверждают его итальянские лидеры и теоретики. Пьетро Горгаллини, книгу которого об итальянском фашизме „сам“ г. Муссолини призвал драгоценнейшим перлом этого рода литературы ¹⁾, утверждает, что фашистская молодежь является сердцем, спинным мозгом, самыми живыми соками всего движения. Добрую половину популярности лидера движения, Муссолини, автор приписывает тому, что Муссолини до сих пор сохранил юношескую бодрость и отвагу. Муссолини известен своим пристрастием к фехтованию и к различным другим видам спорта. Сравнивая Муссолини и престарелого Джиолитти, как двух кандидатов на премьерский пост, Горгаллини прямо заявляет, что помимо тех или иных политических соображений, преимущество должно быть отдано „юному“ премьеру, Муссолини, который будет прилетать в палату на аэроплане, управляемом им самим, перед старцем Джиолитти, которого... пришлось бы туда же таскать на носилках!

Официальный гимн фашистов, который они расппевают, отправляясь на какое-либо из своих темных дел,—песнь молодежи, начинающаяся высоко-поэтическими словами:

Giovinezza, giovinezza,
Primavera di bellezza!
(„Юности, юности
Прекрасная весна!“)

Генерал Луиджи Кадорна, один из „трех святителей“ фашизма ²⁾, на другой день после того, как фашистской партии удалось захватить в свои руки государственную власть, заявил в газетном интервью, что он ни минуты не сомне-

¹⁾ Что не помешало теперь автору этого „перла“ выйти из рядов фашистской партии.

²⁾ Двумя другими принято считать лидера партии Б. Муссолини и знаменитого поэта Г. д'Аннунцио.

вался в том, что славная итальянская молодежь, сражавшаяся за „великую Италию“, не потерпит дальнейшего издевательства над национальными идеалами. Таким образом, победу фашизма в октябре 1922 г. бравый генерал расценивает исключительно, как победу фашистской молодежи. Ту же мысль проводил Муссолини в своей телеграмме к другому „святителю фашизма“ Габриелю д'Аннунцио, в которой новый премьер Италии высказывал твердую надежду на то, что его соратник по фашизму, д'Аннунцио, придет, чтобы лично поздравить „доблестную молодежь“ с победой.

Наконец, в наиболее необузданном и склонном к невероятно-цветистой фразеологии органе итальянских фашистов „Империо“, мы могли совсем недавно прочесть в статье, посвященной редакцией органа идеологии итальянского фашизма, следующие строки:

„Наша цель—империя гения, искусства, силы, неравенства, красоты, ума, элегантности, оригинальности, империя, расцвеченная цветами (?) фантазии. Эта империя будет антисоциалистической, антиклерикальной (?), антитрадиционной. В ней будет место всем свободам и всему прогрессу, но в рамках абсолютного патриотизма. Ею будет управлять лучший из итальянцев, без парламента, с помощью технического совета ¹⁾, составленного исключительно из молодежи“.

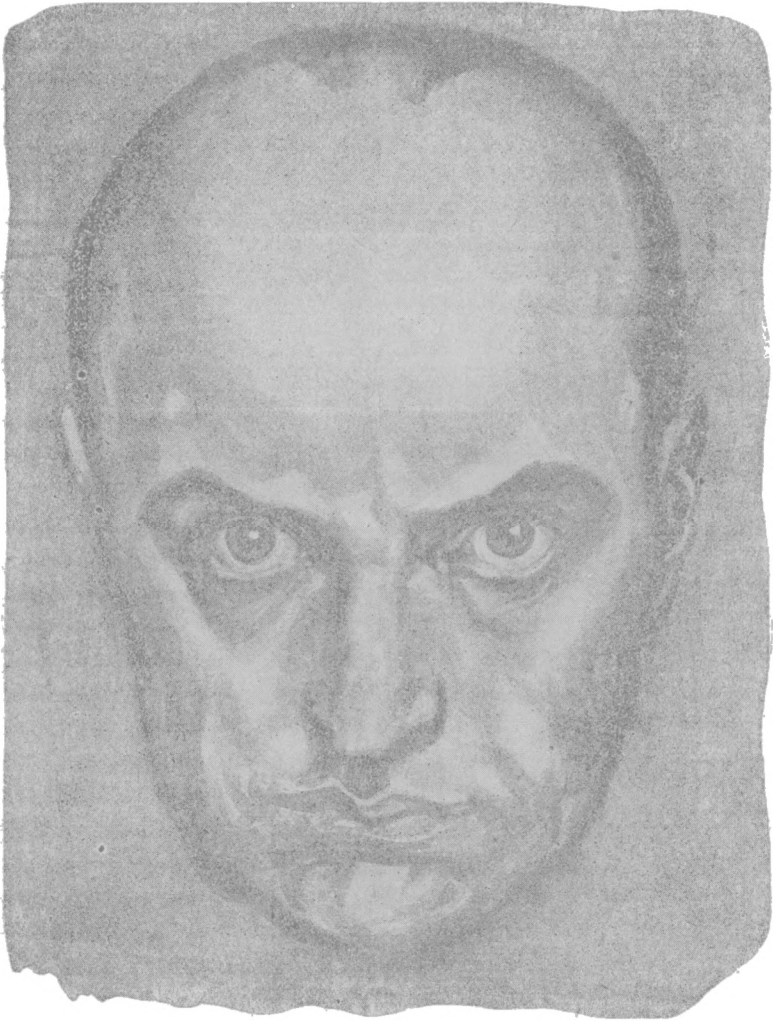
Оставляя на время подробный разбор фашистской программы, мы обращаем внимание на последнее предложение, дышащее явной ненавистью к „старикам“, по мнению фашистских теоретиков, окончательно подорвавших себя в глазах масс своим неумением управлять страной. Можно подумать, что в глазах фашистов вся молодежь в целом является символом антикоммунистической реакции.

Такая уверенность могла зародиться в их умах, естественно, лишь после соответствующей „обработки“ тех кадров молодежи, которые имели несчастье или глупость примкнуть к фашизму. Вот почему, в дальнейшем, при исследовании теории и практики фашистов, нам придется уделить этому вопросу специальное внимание.

¹⁾ Вопросительные знаки и курсив—всюду наши.

3. Особенности фашистского движения в Италии.

Никто не сомневается в том тесном духовном родстве, которое существует между реакционными течениями в раз-

Вождь итальянских фашистов Муссолини.

личных странах, равно как и в общности преследуемых ими целей. Вот почему в наше время фашизм, который

можно определить как боевой авангард реакции в каждой стране, можно так же рассматривать, как международное движение, достигшее наиболее блестящих успехов в Италии. Но, подобно тому, как коммунистическое движение на Филиппинских островах или в южно-африканских колониях не всегда с пользой для дела может быть сопоставлено с деятельностью Р. К. П. в С. С. С. Р.,—освещение международного фашизма ровно ничего не выиграет от того, что мы станем прикладывать общую мерку к фашизму, разбухшему до весьма солидных размеров в Италии, и к фашизму, только что нарождающемуся в Болгарии или на тех же Филиппинских о-вах. При этом не следует упускать из вида еще и того обстоятельства, что „карликовый“ коммунизм где нибудь на Филиппинах тесно связан с мощным коммунистическим движением в России или Германии их принадлежностью к Коммунистическому Интернационалу и, следовательно, общей и обязательной программой. Ничего подобного мы не наблюдаем в международном фашизме. Общность цели—увековечение капиталистической реакции—нисколько не мешает тому, чтобы фашизм чуть ли не в каждой стране обладал своеобразными организационными формами и тысячей всяких крупных и мелких особенностей отличался от фашизма в соседней стране. Если понадобилась наличность определенных экономических и политических условий в России—разгром ее армии в империалистской войне и пр., и пр. для осуществления социальной революции в России,—в меньшей степени необходимыми оказались и определенные социально-экономические предпосылки в Италии. чтобы обеспечить фашизму в этой стране столь головокружительный успех.

Нет ни одной местной коммунистической партии в мире, которая могла бы об'явить себя—даже из тактических соображений—одновременно сторонницей монархии или буржуазно-демократической республики. Зато среди фашистов разных стран вы найдете и монархистов, и республиканцев, и демократов всяких оттенков и степеней. В Америке члены знаменитого своими зверствами фашистского сообщества Ку Клукс Клан, разумеется, принадлежат к самым рьяным и „последовательным“ республиканцам; в Швейцарии—тоже. В Италии же фашисты, точно подражая лидеру отечественной

реакции П. Н. Милюкову, проделали все доступные колебания между монархией и республикой. Баварские фашисты несомненно проникнуты самыми крайними монархическими воззрениями, но зато во Франции фашистская организация „Garde Civile“ вербует своих агентов и среди республиканцев, и среди роялистов...

Итак, если мы хотим более или менее основательно ознакомиться с фашизмом в Италии, мы не должны останавливаться ни на минуту на том соображении, что он является ветвью международного фашизма, а постараться изучить те социально-политические предпосылки, которые ему дали возможность развиться до таких размеров именно в Италии. Самый краткий обзор общего положения Италии перед войной легко убедит нас в наличии исключительно благоприятных условий в этой стране для того, чтобы сделать ее теперь маяком надежды для всех угнетателей трудящихся масс.

4. Общее положение Италии перед войной. — Земледельческие классы.

Тот, кто не интересовался специально Италией, вряд ли может подозревать, что эта прекрасная страна, над которой раскинулось вечно-лазурное небо, страна, являющаяся колыбелью классической поэзии и искусства, куда стремятся путешественники со всех концов земли, — отличается, с социально-экономической стороны, удивительно сложной структурой и представляет какой-то хитро сплетенный клубок самых разнообразных форм хозяйственной жизни. Народное хозяйство Италии представляется самым причудливым скрещением различных, порою весьма отдаленных одна от другой, стадий экономического развития человечества.

Прежде всего следует отметить, что Италия, несмотря на то, что она никогда не была в состоянии прокормить собственным хлебом своего населения, является страной земледельческой. По данным официальной переписи 1911 г. (июнь), из 26^{1/2} миллионов итальянцев старше 10-летнего возраста, более 9 миллионов жили земледелием, в то время, как фабрично-заводская промышленность погло-

шала меньше 5 миллионов, а торговля—меньше миллиона. Лихорадочный (и по существу крайне нездоровый) рост некоторых специальных отраслей промышленности во время войны несколько изменил эту пропорцию, но все же и теперь земледелие занимает первое место в ряду основных занятий взрослого населения Италии. Среди т. наз. „земледельческого населения“ Италии следует различать три основных группы: землевладельцев, арендаторов всяких калибров и с.-хозяйственных рабочих. Что касается первой группы, годы войны в Италии вызвали в ней приблизительно такие же внутренние изменения, как и во Франции и ряде др. европейских стран (напр., Болгарии). Число мелких земельных собственников выросло за счет крупных помещиков. Попрежнему, огромные латифундии, принадлежащие богачу-помещику, среди которых есть и не мало постоянно проживающих за границей и никогда от роду не видевших своих владений, попадают часто на юге Италии. Но зато число мелких земельных собственников значительно выросло на севере и с.-востоке Италии. Между тем, уже в 1911 г. их насчитывалось во всей Италии свыше 1.700.000.

Но Италия является не только земледельческой страной по преимуществу, но и страной, в которой до сих пор оказываются удивительно живучими самые отсталые формы землевладения. Так, среди второй группы земледельческого населения—фермеров или арендаторов—мы находим гораздо большее число половинников (отдающих владельцу земли, вместо арендной платы, половину урожая зерна, плодов или овощей), чем фермеров, связанных с владельцем денежным арендным договором¹⁾. Половинников этих в Италии называют меццадри. Эти меццадри, разумеется, в свою очередь, по степени экономического благосостояния, делятся на несколько групп. Наиболее „кряжистые“ элементы среди них стараются как можно скорее избавиться от вечной зависимости от своего помещика и, купив земельный участок, превратиться в мелких собственников²⁾. Постепенно, им

¹⁾ По статистическим сведениям, собранным в 1911 г., денежных арендаторов в Италии насчитывалось 694.000; половинников—1.581.000.

²⁾ Крупные арендаторы (особенно на юге), снимающие у владельца латифундии всю его землю целиком и переуступающие ее частями в аренду мелким фермерам или крестьянам, наз. *gabellotti* (габеллотти). На юге они прославились особенно беззастенчивой эксплуатацией крестьян и батраков.

удалось образовать обширный под-класс, по своим социальным признакам сходный с нашим кулачеством. В период революционных бурь, время от времени охватывавших Италию, этот класс зажиточных арендаторов всегда становился во враждебную позицию по отношению к беднейшему, безземельному крестьянству и батрачеству.

Сельско-хозяйственные рабочие или батраки (по-итальянски: браччianti) представляют собой многочисленную группу земледельческого населения. По данным 1911 г., с.-х. рабочих обоего пола в Италии насчитывалось 4.215.000 ч.

Революционно-экономическая борьба батраков не только против помещиков, но и против наиболее зажиточного слоя меццадри представляет любопытнейшую страницу в истории новой Италии. Экономическое положение итальянского батрачества к началу империалистической войны было безградным до последней степени. По большей части, батраку не предоставляется даже жилья в поместье или на ферме, где он работает. Браччianti принужден вести кочевой образ жизни. Чаще всего они живут в предместье города или местечка, куда возвращаются поздно вечером на ночевку и откуда рано утром им приходится плестись на работу иногда верст за 8 или 10. Особенно тяжело положение сельско-хозяйственного пролетариата на юге.

Вот как описывает жизнь батраков или безземельных крестьян, вынужденных продавать свою силу землевладельцам, побывавший в Сицилии французский публицист Морис Перно ¹⁾.

„В Сицилии совершенно отсутствуют благоустроенные деревни, т. к. там нет ни воды, ни дорог, ни полиции. Мне приходилось проезжать верхом или в шарабане по 30-50 километров, ничего не встречая по пути, кроме странных зданий ферм, похожих больше на крепости, лишенных окон и окруженных высокими стенами. Крестьяне и батраки живут в городах и ежедневно проделывают по двенадцати километров в оба конца, отправляясь на работу и возвращаясь с нее домой. Нужно присутствовать вечером, когда, при закате солнца, крестьяне и батраки возвращаются в какой-либо сицилийский городок, для того, чтобы как

¹⁾ Maurice Pernot. — L'expérience italienne. — «Revue des Deux Mondes» 1/V. 1923 г.

следует понять социальные и моральные условия, в которых приходится жить мелтному земледельческому населению... 1). Бесконечная вереница мужчин и подростков—женщины в этой стране, некогда бывшей мусульманской, не работают в поле—проходит перед нашими глазами, при чем только немногие из них возвращаются домой на ослах или мулах, остальные идут пешком. У всех через одно плечо перекинута ружье, а на другом кувшин для питьевой воды, которую они употребляют во время работы. Они несут на себе также все необходимые инструменты для работы, возвращаясь же домой, прихватывают еще вязанку дров, мешок с овощами или плодами. Каждый вечер можно наблюдать эту длиннейшую вереницу утомленных людей, медленно возвращающихся домой, нагруженных после долгого трудового дня тяжелой ношей и уныло напевающих родные песни. В Джирджекти 2) я сделал попытку посетить жалкие лачуги, в которых они обретаются вместе с своими ослами, козами и бурами, но запах в них стоял такой, что я тотчас же малодушно выскочил из первой*.

Бессменно чередующиеся одно за другим итальянские правительства начинают свои декларации с обещания в срочном порядке провести все необходимые реформы на юге, но обычно этими же обещаниями дело кончается. Палата принимает дюжины срочных законопроектов, отпускает сверхсметные кредиты, но... для Сицилии ничего не меняется. У того же Перно мы находим по этому поводу ряд характерных фактов.

Весной 1920 г., проезжая из Палермо в Трапани, я разговорился в вагоне железной дороги с одним коммерсантом, направлявшимся в Марсалу, который меня спросил: „А вы давно не были в Сицилии?“ — „Двенадцать лет“, — отвечал я. — „Двенадцать лет только? Как жаль! Вы, значит, ничего нового у нас не найдете. Несколькими обещаниями больше, несколькими надеждами меньше — вот наш баланс. У нас попрежнему нет ничего: ни воды, ни шоссе, ни железных

1) И это пишет не коммунист и не анархист, а крайне реакционный публицист и типичный французский империалист Морис Перно, автор враждебной нам книги „Question turque“ (1923 г). Его „Очерки социальной эволюции Италии“ проникнуты, между прочим, большой симпатией к фашизму.

2) Довольно крупный город Сицилии.

дорог, ни полиции, ни гигиены. Мы не сделали ни одного шага по пути цивилизации. И подумать только, что в Риме имеются люди, упорно отстаивающие свои права на обладание новыми территориями или, по крайней мере, на протекторат над ними, претендующие на управление другими областями, в гораздо меньшей степени итальянскими и к тому же гораздо беднейшими, чем наша, в которой нужно было бы так много сделать и в которой ничего не делают! Ах, если бы итальянское правительство сделало для Сицилии хотя бы десятую долю того, что французы сделали для Туниса...“

Мы не последуем здесь за дальнейшими рассуждениями Перно, ибо имеем все основания сомневаться в благодетельных последствиях французской цивилизации для тунисского населения. Приведем лишь наиболее красочные факты о Сицилии: в Алькамо, городе с 40.000-ым населением, представляющем собою центр винодельческого производства, до сих пор нет питьевой воды; то же самое в Кальтанисетте—центре добывания серы. В 500 метрах от Кастроджиовани автор видел, как старуха с жадностью собирала в свой кувшин остатки грязной дождевой воды, сохранившиеся на склоне утеса. Дороги—ужаснее, чем в Малой Азии: они содержатся в невозможном состоянии, чуть ли не на каждом шагу пересекаются стремительными потоками... Унесенные этими потоками мосты никогда и никем не восстанавливаются... Некогда лесистые горы сейчас совершенно обнажены, как скалы пустыни. Почти нигде нет регулярного почтового сообщения... Местная промышленность влечит самое жалкое существование. В мелочных лавках Палермо или Сиракуз продаются овощные консервы с английской маркой. Во всей Сицилии в 1920 г. был только один завод, занимавшийся добыванием и обработкой лимонной кислоты (в Германии их было 10), а между тем по количеству произрастающих в ней лимонов Сицилия—первая страна в мире...

Если прибавить к этому почти полную безграмотность беднейшего населения ¹⁾, невежество, царящее и среди остальных слоев его и ловко эксплуатируемое католическим духо-

¹⁾ В среднем, количество безграмотных в Сицилии определяется 40%, но местами оно достигает и 80%.

венством, то мы легко поймем, как современный экономический строй Италии, в котором сохранились самые примитивные формы эксплуатации, свойственные самым отсталым странам с патриархально-земледельческим хозяйством, сумел превратить благословенный сицилийский рай в ад для местного населения, несмотря на его безграничную выносливость и трудолюбие.

Время от времени, в Сицилии и вообще на юге Италии загоралось пламя крупных аграрных восстаний, подавлявшихся однако, с неумолимой жестокостью. Вот, и в момент, когда пишутся эти строки ¹⁾, уже вторую неделю происходят крупнейшие волнения в Калабрии и Сицилии, где массы, выведенные из терпения отвратительной, беззастенчивой политикой нынешнего правительства Муссолини, восстали против него, правда, под смутными, неясными лозунгами, но с ясно выраженным желанием сбросить с своей шеи владычество „господ из Рима“, сделавших их существование невозможным...

5. Борьба крестьян и батраков.

Немногим лучше обстояло дело и на севере. Почти повсюду в Италии, к отсталым формам отношений между помещиками и арендаторами, с одной стороны, и батраками и безземельными крестьянами, с другой, присоединяется еще и страшный бич безработицы, дававшей всегда землевладельцам возможность понижать заработную плату по своему произволу. Общее положение с.-хозя-ственных рабочих в Италии лучше всего характеризуется тем фактом, что по количеству эмигрирующей из нее рабочей силы Италия занимает первое место в Европе. Воспетый поэтами рай, доступный всем паразитам—туристам, приезжающим в Италию прожигать свои деньги и наслаждаться ее красотами.—давно стал тесен для многих миллионов ее трудящихся сынов. И в то время, как океанские пароходы, нагруженные бездельничающими джентльменами и расфранченными лэди, направляются к прекрасным берегам

¹⁾ Первые числа июня 1923 г.

Италии, итальянские батраки, землекопы, ремесленники, с котомкой на плечах, покидают свой живописный край и расползаются во все концы света в поисках работы... (Такóво „отечество“ в капиталистическом строе!)

В 1913 г., т.-е. перед самой войной, из Италии эмигрировало 900.000 чел. Эта цифра дает яркое представление о том, какую роль играет эмиграция в жизни Италии. Большая часть эмигрантов направляется в Сев. и Южн. Америку; там они проводят все свои лучшие годы, и только на шестом или седьмом десятке возвращаются на родину, где обзаводятся на привезенные доллары домом, хозяйством и доживают свои дни.

Но эмиграция разрешала вопрос только для уезжающих. Остающимся в Италии приходилось вести упорнейшую борьбу за свое существование против помещиков и большинства фермеров и арендаторов, превратившихся в верных псов последних и оплот „частной собственности“.

И если крестьянин юга по своему темпераменту или мировоззрению является больше индивидуалистом, более религиозен и более подвержен влиянию ловких католических пропагандистов, а крестьянин и батрак севера настроены более коллективистически,—зато к их вековым угнетателям они объединены общей ненавистью.

Первые ростки социалистических организаций возникли среди батраков, живших по большей части многочисленными и тесно сплоченными группами. В провинции Романьи социалистические лиги батраков возникают уже в период 1885—1890 г.г. Их первой задачей явилось урегулирование распределения труда—единственное средство, которым в Италии можно хоть до некоторой степени смягчить действие ужаснейшего бича безработицы. Постепенно лиги занялись также вопросом об ограничении рабочего дня, введением определенного тарифа заработной платы, а еще позже—проведением в жизнь коллективных договоров между помещиками и меццадри, с одной стороны, и с.-хоз. рабочими, с другой. В условиях той беззастенчивой эксплуатации, в которых итальянские помещики и фермеры сыздавна привыкли держать своих рабочих, эти попытки ограничить эксплуатацию при помощи коллективных договоров вызвали особую

ненависть и озлобление против них среди работодателей, поспешивших, в свою очередь, организовать в так наз. „A g r a r i a“ (лиги аграриев), поведших ожесточенную борьбу с „красными лигами“ беднейших элементов деревни.

Борьба между красными лигами батраков и лигами землевладельцев и явилась, главным образом, той почвой, на которой в годы реакции расцвел фашизм, как боевой авангард капиталистической реакции, выступивший на защиту священных прав хозяев...

6. Промышленность Италии; роль банков. — Городской рабочий и его борьба

Своеобразная экономическая структура Италии, о которой мы говорили выше, особенно резко сказалась в крайнем антагонизме, сыздавна существовавшем между представителями городской индустрии и с.-хозяйственной промышленности. Мы хорошо знаем, что борьба между этими двумя ветвями современного капитализма существует повсюду, но нигде она не достигала такого обострения, как в Италии, в особенности перед войной. В Италии это деление промышленности почти совпадает с географическим подразделением страны. Между земледельческим югом и фабричным севером сыздавна наблюдается крайнее соперничество, всегда заканчивавшееся победой последнего. Уже из того краткого очерка Сицилии, который дан в одной из предыдущих глав, видно, как значительно отстал—и в хозяйственном, и в культурном отношении—земледельческий юг от промышленного севера.

Если мы обратимся к работам видных исследователей народного хозяйства Италии, то мы убедимся, что, помимо ряда неблагоприятных географических условий, вызвавших эту отсталость юга, огромную роль в обострении этой борьбы между обоими видами промышленности в Италии сыграла специфическая политика итальянских правителей за последние десятилетия. В силу прочно укоренившейся традиции случилось так, что руководители экономической политики Италии сыздавна были сторонниками крайнего протекционизма в отношении отечественной индустрии.

Это значит, что они, не задумываясь, готовы были употребить все жизненные ресурсы страны на поддержку фабричной промышленности, которая в этой стране, лишенной угля, руды и прочих видов сырья, всегда могла влачить в ней лишь самое тщедушное, рахитическое существование. Ясно, что безрассудное расходование государственных средств на поддержку рахитичной итальянской индустрии приносило непоправимый ущерб не только аграриям юга (на что они всегда громко жаловались), но и всему народному хозяйству Италии. Ожесточенная борьба, которую аграрии юга уже давно повели и в прессе, и в парламенте против такой политики правительства, не приводила ни к каким результатам. Юг продолжал оставаться пасынком, а север—излюбленным детищем правительства. Особенно страстные формы борьба эта принимала в Италии, в связи с налоговой политикой правительства. Землевладельцы юга не переставали указывать на то, что землю укрыть от обложения нет решительно никакой возможности, между тем как промышленникам севера доступны тысячи способов сокрытия своих доходов,— в результате чего вся тяжесть налогов падает на плечи земледельческого юга.

По всем этим причинам, вражда и соперничество между аграрной и городской буржуазией в Италии достигли высшей степени напряжения, какое только может существовать во внутренней борьбе отдельных групп этого почтенного класса.

Покровительственная политика итальянского правительства по отношению к городской индустрии дала заметные результаты уже к концу истекшего столетия, выразившиеся в ее лихорадочном росте. Но этот искусственный рост ее особенно усилился в начальный период мировой войны. Вот несколько цифр. Только за четыре года—а именно, в период между 1 января 1914 г. (когда Италия еще не принимала участия в европейской войне) и 1 января 1918 г.—в Италии возникло 520 новых акционерных компаний. За этот же период основной капитал промышленных предприятий возрастает на 2 миллиарда лир. Федерация промышленников, образованная с целью защиты интересов крупной индустрии путем давления на экономическую политику правительства, насчитывала в апреле 1918 г. свыше 380 крупных объединенных ком-

паний. Впереди всех остальных отраслей городской индустрии, как это всегда бывает во время войны, разумеется, шла металлургическая промышленность. Разбухшая в разгар самой войны и вскормленная выгодными казенными заказами и субсидиями, металлургическая промышленность Италии— это балованное дитя итальянского правительства, особенно, тех ее кругов, которые находились в сфере непосредственного влияния Антанты и ее дельцов,—получила возможность не только экстенсивного (поверхностного) расширения, но и значительного улучшения системы производства, внутреннего оборудования и т. д. Одного примера будет достаточно, чтобы обрисовать сказочный рост отдельных промышленных предприятий в этой отрасли. Пользующаяся до сих пор исключительным расположением правительства металлургическая фирма „Ансальдо“ (принадлежит братьям Перроне) сумела в течение 1917 г. увеличить свой основной капитал с 30 до 100 миллионов лир, в 1918 г.—со 100 до 500 миллионов. О ростовщических барышах всех этих разбухших во время войны предприятий и не приходится говорить. Итальянские „акулы“ военного времени перещеголяли в этом отношении капиталистов всех остальных европейских стран. Процессы о незаконных поставках, мошенническом счетоводстве, казнокрадстве, сокрытых прибылях и т. д., и т. д. не прекращались в Италии до последнего времени. И только теперь „патриот“ Муссолини, взявший под свою высокую руку всех мошенников, эксплуататоров и казнокрадов, заставил специальную комиссию, занимавшуюся расследованием их темных делишек, прекратить свои работы...

Разумеется, непосредственно за спиной скороспелых „королей“ итальянской металлургической промышленности стояли банки, прилагавшие все усилия к тому, чтобы число дутых предприятий в Италии росло. Им важно было только сорвать колоссальные барыши, несколько не задумываясь над тем, какую картину будет представлять собой промышленная жизнь Италии после войны.

К тому же к экономическим мотивам примешивались и чисто политические. В банковском деле Италии открыто конкурировали обе коалиции воевавших держав; в то время как влияние антантовских (особенно французских) капиталистов

проникало в Италию через посредство известного „Учетного банка“ („Banca di conto“), германский капитал действовал через „Коммерческий банк“ („Banca Commerciale“), находившийся под особым покровительством г. Джиолитти, чем и объясняется сопротивление, оказанное им первым попыткам втянуть в войну Италию.

Окончание войны и демобилизация военной промышленности принесли необычайно сильное экономическое потрясение. От войны Италия ровно ничего не выиграла. Она попрежнему остается без необходимого сырья. Как только вместе с войной прошла эра бешеных прибылей, выросшие во время войны предприятия стали лопаться, как мыльные пузыри. Лопнула и знаменитая фирма „Ансальдо“, несмотря на все правительственные субсидии и поблажки. Банкротство фирмы совпало с громким крахом „Учетного банка“, пустившим по миру не один десяток тысяч мелких владчиков.

Хищнический характер деятельности итальянских банков (одно время объединенных Нитти в консорциум) особенно ярко сказался в том, что ни один из них не обратил своего внимания и не рискнул своими капиталами на дело улучшения земледелия в Италии. Банкиры—отечественные и иностранные—жаждали быстрых и верных прибылей, между тем как капитал, вложенный в „землю“, особенно, в мелиорационные работы, требует большой выдержки и терпения со стороны капиталиста. Итальянский хищный капитал не был склонен к этого рода предприятиям.

Среди аграриев юга за время войны еще больше окрепло убеждение, что правительство предаст их интересы в угоду и на пользу промышленному северу. Так, во время войны они доказывали с цифрами в руках, что из каждых 100 миллионов лир, потраченных правительством на военные поставки, оно 86% отдавало промышленникам севера, и только 14% поставок попадало югу.

К концу войны однако слились в общий согласный хор жалобы аграриев и капиталистов на слабость правительства, не сумевшего предупредить нарастание в стране сильного революционного движения. Благодаря этой слабости—жаловались аграрии—им пришлось сильно пострадать от стихийных бунтов в различных областях, закончившихся захватом боль-

ших земельных участков, которые так и остались закрепленными за восставшими крестьянами. Благодаря преступному попустительству правительства—жаловались владельцы фабрик—забастовки стали в Италии обычным явлением. Фабрикант оказался опутанным со всех сторон. В муниципальных и общинных советах, в школах, в кооперативах, в народных домах—всюду царило засилье социалистов. Приобретшие исключительное влияние рабочие синдикаты начинали вмешиваться в производство и во все области ведения дела; они штрафовали провинившихся капиталистов, подвергали их бойкоту, творили над ними свой суд. По мнению многих из них, быть капиталистом в Италии „становилось невыгодно“.

Действительно война принесла с собой временное улучшение общего положения рабочих. Мертвая петля безработицы несколько оказалась разжатой. Заработная плата значительно поднялась, хотя, разумеется, рабочим попадали лишь небольшие крохи от неимоверных барышей капиталистов. Вместе с тем, империалистская война, которая не была популярной даже среди всей итальянской буржуазии, а только в той части ее, которая находилась под влиянием антантовских банков и субсидируемых ими газет, в значительной мере способствовала просветлению сознания рабочего класса.

Нужно сказать, что вообще в Италии, по сравнению с другими европейскими странами, эволюция рабочего класса совершилась с исключительной быстротой. Рост синдикального и социалистического движения отнюдь не соответствовал степени развития итальянской промышленности. Зато следует признать, что искусственное оживление промышленности во время войны нашло себе некоторое отражение в несколько поверхностном характере самого рабочего движения в Италии.

С начала текущего столетия это рабочее движение раз'едалось двумя тяжкими болезнями: большими успехами реформистов, старавшихся отклонить рабочее движение с пути непримиримой классовой борьбы, и сильной разобщенностью крайних элементов рабочего класса (анархистов, синдикалистов и социалистов, а впоследствии коммунистов) между собой,

затруднявшей создание единого фронта против капиталистов. Этими двумя болезненными явлениями в рабочем движении Италии, с которыми читатели, надеюсь, знакомы из других источников, и обуславливается в значительной мере тот головокружительный успех, который выпал на долю итальянского фашизма и привел его, в конце концов, к овладению государственной властью. К своему поражению рабочее движение Италии шло, однако, длинным извилистым путем...

7. Годы подъема и поражения рабочего движения. — Зарождение фашизма

Период крайнего напряжения рабочего движения в Италии совпадает с концом войны. То, что было предположением, стало фактом. Война не принесла Италии того, что ей обещали сторонники вмешательства в империалистскую бойню. Даже сторонники вмешательства, призывавшие рабочих идти на фронт во имя патриотической задачи спасения Италии, должны были признать, что никакого экономического облегчения война не принесла. Они объясняли это лицемерным поведением союзников, нагло обсчитавших Италию при дележе. Но более передовые слои рабочих понимали, что дело здесь не только в коварстве союзной дипломатии, а в глубокой классовой подоплеке войны. Разочарование в результатах войны слилось воедино с мрачными предчувствиями и опасениями за будущее. Ни у кого не могло быть и малейшей надежды на то, что капитализм сможет вывести Италию из тупика, созданного им же. Вместе с демобилизацией промышленности в воздухе вновь вырисовывался мрачный призрак безработицы. Рабочие пытались использовать период некоторого улучшения и материального благосостояния для того, чтобы обострить борьбу. На верхах рабочего движения однако не все обстояло благополучно. Реформисты захватывали все больше и больше влияния и ставили на каждом шагу препятствия истинно-революционным элементам пролетариата. Под влиянием реформистов социалистическая партия Италии отдавала огромнейшую часть своих сил и средств на парламентскую борьбу. Самый дешевый карьеризм свил

себе гнездо в рядах социалистических вождей, принадлежавших по большей части к выходцам из мелко-буржуазной интеллигенции.

Несмотря однако на скрытый саботаж вождей, итальянский рабочий класс в период 1918—1920 г.г. развернул блестящую страницу борьбы с хищным капитализмом Италии. Волна забастовок прокатилась по всей стране. На выборах в городские и сельские общины, а также в парламент социалистическая партия одерживала все большие и большие успехи. В сильно разросшемся за последние два десятилетия кооперативном движении рабочий класс приобрел крупное влияние. Рабочие синдикаты неотступно преследовали свою борьбу за уменьшение рабочего дня, увеличение заработной платы, улучшение гигиенических условий труда и т. д. Самого сильного напряжения классовая борьба в Италии достигла в августе-сентябре 1920 года. В ответ на требования, предъявленные синдикатом металлистов, известная автомобильная компания „Фиат“ ответила отказом. Отказ сопровождался также угрозой локаутом. В ответ на эту угрозу рабочие объявили забастовку, охватившую почти всю металлургическую промышленность севера и приведшую, в конце концов, к захвату рабочими в этих городах фабрик и заводов. Победа пролетариата в России и завоевания октябрьской революции к тому времени нашли себе живой отклик в Италии. Несмотря на влияние реформистов, отношение в рабочих массах к октябрьской революции было восторженное. Восставшие рабочие постарались использовать опыт нашего Октября во время захвата фабрик и имевшихся у них запасов сырья; затем организовали обмен сырьем между отдельными фабриками и заводами; сговорились относительно общей работы с высшим техническим персоналом предприятий, который, не в пример русской интеллигенции, почти поголовно выразил желание работать рука об руку с пролетариатом; был организован также прием заказов от государства и частных лиц. Одним словом, были приняты все меры к тому, чтобы захват фабрик и заводов не послужил даже на первых порах причиной промышленной разрухи в стране. Но, к сожалению, весь этот опыт длился недолго. Тогдашний премьер Джиолиитти, прославившийся своим

предательским отношением к рабочим, при открытом содействии реформистов-социалистов сумел сорвать движение, привлекавшее к себе внимание всего мира и обещавшее великодушные результаты. Как только движение схватило ряд фабрик и заводов, Джиолитти задумал свой искусный план, решив в первых порах не прибегать к насилию. Все дело захвата фабрик и заводов сопровождалось лишь незначительным числом вооруженных столкновений между представителями власти, с одной стороны, и рабочими—с другой. Джиолитти избрал другой путь—длительных переговоров и закулисных махинаций. С одной стороны, получив поддержку в лагере реформистов, которые все свое красноречие употребляли на то, чтобы доказать рабочим всю безрассудность затеянного ими дела, он сумел заставить рабочих согласиться на обещанный им контроль над производством, как на лучший исход разыгравшейся борьбы. Время же, ушедшее на переговоры и интриги, Джиолитти не терял даром. Он использовал его для усиления в срочном порядке военно-полицейского аппарата государства, и таким образом, когда дело дошло до окончательной стадии переговоров, рабочие увидели себя вынужденными идти на соглашение с предпринимателями, ибо стоящее на их стороне правительство оказалось к тому времени уже значительно сильнее их.

Сорванное при помощи провокационной деятельности реформистов движение августа-сентября 1920 года и может считаться началом упадка рабочего движения, который так умело был использован фашистами для своих целей.

Если значительной части рабочего класса Италии конец войны окончательно раскрыл глаза на всю сущность капиталистического строя Италии, те элементы, которые взяли на себя смелость вовлечь рабочий класс в участие в империалистской войне, ни с какой стороны не соответствовавшей жизненным интересам Италии, пытались продолжать свою патриотическую проповедь в том смысле, что война не закончила еще всей борьбы за „величие Италии“. Они старались доказать рабочим, что итальянский народ должен повести теперь борьбу в двух направлениях: во-первых, настаивать перед великими державами, обделившими Италию при заключении мирных договоров, пойти на изменение последних

в пользу Италии. Страна должна, по их мнению, попрежнему держать наготове свою боевую мощь. Однако, успешная борьба за „великие патриотические цели“ мыслима лишь в том случае, если классовая борьба между рабочими и хозяевами утихнет, иначе говоря, если интересы нации будут поставлены впереди интересов классов. Люди, проповедующие классовую борьбу и усиливающие разрыв „между итальянцами“, то-есть социалисты, коммунисты, анархисты, являются врагами своего отечества и народа. С ними необходимо повести самую решительную борьбу. Если у правительства нет достаточной энергии, чтобы защитить целостность государственного механизма от покушений революционеров, за это должны взяться патриоты и суметь противопоставить предательской бездеятельности правительства свою личную энергию и мужество. Если у правительства не хватает для этого необходимых сил и средств, патриоты сумеют образовать свои собственные организации, а все „благомыслящие“ элементы страны—т.е. фабриканты, помещики, банкиры, лавочники, зажиточная интеллигенция—отдадут на это свои средства и таланты. Со временем эти патриотические организации смогут превратиться в достаточно грозную силу, чтобы внушить страх не только внутреннему, но и внешнему врагу. Она может явиться той силой, которая, импонируя Антанте, вынудит ее пойти на дипломатические уступки Италии и в смысле исправления несправедливых договоров. На первых же порах эти патриотические организации должны поставить своей задачей—упорную борьбу со всеми элементами, стоящими на точке зрения классовой борьбы. Они должны встать открыто на защиту порядка и собственности.

Ренегаты социализма всех видов и оттенков существуют, как известно, во всех странах, но нигде их нельзя найти в таком подавляющем изобилии, как в Италии. Участие в социалистическом движении в период его расцвета одно время превратилось в лучший из способов сделать политическую карьеру для представителей интеллигенции, всегда страдавшей в Италии от безработицы. Удачно написанная статья или произнесенная на митинге речь—почти всегда обеспечивали кандидату социалистической партии успех на выборах, а следовательно и местечко в парламенте или мунци-

ципалитете. Политическая карьера этих господ никогда не имела ничего общего с преданностью интересам рабочего класса. Кто из них, в силу личных переживаний или каких-либо иных причин, разочаровывался в социалистическом движении, тот с легкостью мотылька перепархивал в другой стан и становился вождем патриотов. Нынешний вождь фашизма, занимающий пост председателя совета министров в Италии, Бенито Муссолини принадлежит именно к числу таких людей. Всю свою молодость он отдал на служение рабочему классу и считался одним из даровитейших вождей социалистической партии. Во всяком случае, он занимал место главного редактора партийного органа. В силу личных разногласий с некоторыми товарищами по редакции и по движению вообще, Муссолини выходит из рядов партии и к началу мировой войны превращается в пылкого патриота, не мало способствовавшего вовлечению Италии в мировую бойню. Чтобы подтвердить свою проповедь личным примером, Муссолини отправляется на фронт, но здесь занимает весьма скромное место преподавателя военно-химических курсов. Во время практических занятий с солдатами Муссолини был ранен осколками случайно разорвавшегося снаряда, после чего он возвращается в место постоянного своего жительства — Милан, где уже продолжает свою патриотическую проповедь в качестве заслуженного ветерана. На этом незначительном эпизоде из биографии Муссолини стоило остановиться, хотя бы потому, что его поклонники слишком часто прибегают в фашистской печати к упоминанию о „высоких боевых заслугах“ своего вождя. Кстати, еще несколько слов о Муссолини. Необычайное самолюбие этого человека, которое послужило главной причиной его ренегатства, уже давно бросалось в глаза лицам, которым приходилось вступать в близкое соприкосновение с ним. Так, еще в 1912 году, т.-е. за три года до вступления Италии в войну, известный теоретик синдикализма Жорж Сорель сказал о нем следующее: „Муссолини не является социалистом обычного типа. Верьте мне, вам еще, может быть, придется однажды увидеть его во главе какого-нибудь священного батальона отдающим честь своей шпагой итальянскому знамени. Это — типичный кондотьеры пятнадцатого столетия. Никто не знает его еще по настоя-

щему. И все же это единственный энергичный человек, который может бороться со слабостью своего правительства". Предсказание Жоржа Сореля оправдалось полностью.

Цинично изменив своим товарищам по борьбе и всему рабочему классу, Муссолини отвернулся от красного знамени и рабски склонил свою шею перед трехцветным флагом Италии.

Муссолини и явился наиболее деятельным из тех пропагандистов, которые, не удовлетворившись огромными жертвами, принесенными рабочим классом во время войны, еще с большим упорством повели свою преступную патриотическую проповедь тогда, когда Италия, в результате всех этих бесчисленных жертв, осталась по милости крупнейших членов Антанты у разбитого корыта. Кроме того, свое личное разочарование в идеях социализма и особенно в революционном марксизме Муссолини, с помощью некоторых таких же ренегатов, как он, попытался претворить в особую теорию, подчинявшую идею классовой борьбы пресловутой „любви к отечеству и народной гордости“.

Эта теория и получила в наше время громкое название фашизма. Происхождение свое это слово ведет от „фашио“. Так назывались первые ячейки патриотов, с организаций которых начали свою деятельность Муссолини и его друзья.

В развитии фашистского движения следует различать два периода: первый, когда Муссолини и его друзья избегали подчеркивать классовый характер своей организации, вернее говоря, свою контр-революционную сущность, направленную к увековечению капиталистического гнета. В начальный период своей деятельности они, главным образом, старались внушить трудящимся массам Италии мысль о том, что фашисты являются борцами за увеличение внешнего престижа Италии и возрождение ее высоких национальных традиций. Характерно, что во время описанного выше революционного брожения 1920 года фашисты, первые группы которых были организованы Муссолини еще весной 1909 года, занимали по отношению к восставшим рабочим скорее позицию благожелательного нейтралитета; только в одном месте произошло столкновение между забастовщиками и слишком яркими фашистами. Мы уже видели, что Джиолитти во всяком случае не имел возможности опереться на их помощь при подавлении движения.

В этот первый период своей деятельности фашисты уделяли особое внимание, так называемому, фиуманскому вопросу. Муссолини тогда шел рука об руку с известным итальянским поэтом Габриэлем д'Анунцио, проявившим необычайный патриотический пыл в защиту присоединения города Фюме к Италии. „Совет четырех“, заседавший в Версале, держался по этому вопросу, однако, иного мнения. Особенно противился присоединению Фюме к Италии американский президент Вильсон, одно время бывший самым ненавистным лицом для итальянских патриотов. Габриэль д'Анунцио решил тогда, что он должен, вопреки воле, выраженной державами победительницами, организовать специальные батальоны из добровольцев-легионеров и при помощи их захватить в свою власть автономный город, что он и выполнил. Правда, фашисты, возглавляемые Муссолини, скупившимся на красивые фразы и платоническое выражение сочувствия д'Анунцио, предали поэта, и он, после нескольких месяцев диктаторского управления Фюме, вынужден был покинуть город. В свое время вокруг этой нелепой авантюры создалась такая шумиха, что даже люди, никогда в свою жизнь не слышавшие о городе Фюме, стали внимательно следить за его судьбой. Распространяться о всех перипетиях этой авантюры нет никакого смысла. Достаточно лишь упомянуть, что опереточную деятельность Габриэля д'Анунцио, несмотря на ее донкихотский характер, все же можно рассматривать, как искреннюю, хотя и не очень разумную попытку возродить романтическую эпопею средневекового национализма. Классовая сущность идей Габриэля д'Анунцио до сих пор остается загадкой для тех, кто ими интересуется. Следует отметить курьезную попытку д'Анунцио во время своего фиуманского сидения сблизить в представлении масс свою деятельность с деятельностью русских большевиков. Разумеется, от большевизма д'Анунцио брал только отрицательное отношение большевиков ко всякому виду национального угнетения и на этом строил свое сопоставление. В одном из опубликованных им документов д'Анунцио об'являет себя „ленинистом“ в национальном вопросе.

С этим романтиком-сумасбродом Муссолини было не по пути. Лидер фашистов не только ренегат, но и по всему складу своей натуры — практический политик и типичный опортунист.

Кроме того, этого самолюбивого человека никогда не оставляет жажда мести тем, кто не возвел его на пьедестал героя. Он предпочел быть первым в стане капиталистической реакции, чем вторым в социалистической партии, и, проникшись ненавистью к трудящимся массам, решил приложить все свои усилия к тому, чтобы увековечить капиталистический гнет. Уже в начале 1921 года фашистская партия, руководимая Муссолини и значительно к тому времени выросшая, претендует, с одной стороны, на то, чтобы приобрести значительное число мест в парламенте, а с другой—превратиться в мощную военную организацию, которая не позволяла бы „слабому“ правительству потакать революционному движению, а взяла бы в свои руки неофициальное, но зато фактическое управление страной.

Муссолини быстро порывает с романтическими бреднями и цинично принимает на себя роль усмирителя рабочих и крестьян, восстающих против капиталистического гнета.

Первым боевым крещением фашизма следует считать его выступление в Феррарской и Болонской провинциях, где при их помощи помещикам удается сломить сопротивление восставших крестьян. Фашисты всюду открыто примыкают к помещичьим лигам и ведут беспощадную борьбу с так называемыми красными лигами, пытавшимися умерить эксплуатацию труда при помощи регулирования рабочего дня, а также распределения работы. С цинизмом отъявленных предателей, фашисты открыто провозглашают всюду, что пришла пора окончить с тиранией красных лиг и разогнать эти гнезда подпольных агитаторов и врагов отечества. Фашисты видят крамолу всюду, где рабочие и крестьяне организуются с целью оказать малейшее сопротивление своим угнетателям. Крамольными гнездами об'являются не только крестьянские и батрацкие лиги, но и рабочие синдикаты, народные дома, кооперативы, секции, социалистические партии, культурно-просветительные кружки, редакции левых органов печати, анархические группы и т. д., и т. д. В своем упорном и слепом преследовании всего, что так или иначе связано с самостоятельностью народных масс, фашисты не делают различия между революционно-настроенными социалистами, коммунистами, синдикалистами и анархистами, с одной стороны, и реформи-

стами, с другой. Благодаря огромному успеху реформистских идей в Италии, о котором мы говорили выше, случилось так, что местами реформисты внушали фашистам больше опасений своей численностью, чем революционеры; впрочем, и тех, и других они преследовали с одинаковой неумолимостью и жестокостью, пользуясь той откровенной помощью, которую всегда оказывали фашистам буржуазные правительства Италии, королевский двор и генеральный штаб, не говоря уже о денежной субсидии со стороны отечественного капитала. Все разговоры о том, что среди аграриев и промышленников не было одинакового отношения к фашистской партии, не заслуживают серьезного внимания. Именно, на полном сочувствии к фашизму сошлись и те, и другие, как только увидели в нем открытого застрельщика имущих классов, одинаково реввиво оберегающего все то, что так или иначе связано с священной собственностью и неприкосновенной прибылью капиталистов.

8. Роль буржуазной молодежи в фашистском движении

Помещики и фабриканты Италии с восторгом приветствовали зарождение фашистского движения, которое должно было принести им избавление от „красной тирании“. Они стали надеяться на то, что в Италии революционное движение будет сведено на нет, и, таким образом, быть помещиком или фабрикантом станет выгодно. Естественно, что они всеми способами решили прийти на помощь господину Муссолини и его бандам. Прежде всего, лиги аграриев всюду и везде превратились в гостеприимные убежища для фашистских шаек. Когда фашисты затевали карательную экспедицию против какой-либо деревни или местечка, провинившихся, напр., избранием социалистов в местное общинное управление, помещики предоставляли в их распоряжение свои грузовики или своих лошадей. Городская буржуазия субсидировала фашистов деньгами. Но, разумеется, самую главную помощь фашистам городская и аграрная буржуазия оказала предоставлением в их распоряжение живой силы и в первую очередь своих сыновей.

Мы уже отмечали, что фашизм любит всюду выставлять себя движением „молодости и силы“. Это утверждение безусловно имеет под собой почву. Если вы обратите внимание на те иллюстрации, которые часто появляются в журналах в целях увековечения фашистских подвигов, то вы увидите, что участники фашистских процессий и карательных экспедиций преимущественно состоят из молодежи. Как и в революционных кадрах, так и в стане рабовладельцев нашего времени — фашистов, молодежь занимает самые боевые посты и, если в революционных рядах молодежь мужественно бьется и жертвует своей жизнью во имя раскрепощения трудящихся масс, то в фашистских рядах — с присущей ей прямолинейностью — молодежь, ослепленная бессовестными плутами итальянского национализма и продажными слугами капитала, отличается необычайной жестокостью в преследовании своих более слабых врагов.

Особенной жестокостью преследования трудящихся масс прославились сынки помещиков, всегда под знаменем фашизма руководившие подавлением забастовок сельско-хозяйственных рабочих. Эта молодежь, по большей части проводящая зимнее время в городе, где она обучается в средних или высших учебных заведениях, весной возвращается на кавикулы в родные поместья, здесь становится активными членами аграрных лиг и руководит усмирением „бунтующих“ крестьян.

Ниже мы будем иметь возможность поближе ознакомиться с структурой фашистской партии, с ее тактическими методами, с уставом и характером ее военной организации и т. д. Сейчас же посмотрим, как „жила и работала“ фашистская молодежь на заре зарождения фашистского движения, когда о нем еще трудно было говорить, как об организованной партии.

Это было время, когда фашизм впервые начал применять в борьбе „метод прямого действия“, который выражался в том, что они охотно бросали все свои силы на организацию карательных экспедиций против „взбунтовавшихся“ крестьян или батраков, на вербовку (порой добровольную, но еще чаще насильственную) штрейкбрехеров для борьбы с сельско-хозяйственными забастовками.

Чтобы не заслужить обвинения в использовании пристрастных авторов из лагеря коммунистов или социалистов, мы

предпочитаем в данном случае прибегнуть к свидетельству человека, которого, напротив, можно обвинить лишь в пристрастии к фашизму. Мы имеем в виду старого, пастроянного в определенно-реакционном духе либерала Марио Миссироли, автора книги „Фашизм и итальянский кризис“¹⁾, который дает в ней весьма красноречивое описание „деятельности“ первых фашистов по подавлению шумевшего аграрного восстания в Феррарском округе.

Но раньше, чем перейти к этому описанию, мы считаем нелишним привести здесь рассуждения автора о причинах и обстановке зарождения итальянского фашизма. Ознакомиться с этими рассуждениями, помимо всего, полезно и для того, чтобы убедиться, что мы имеем в данном случае дело с весьма благонадежным свидетелем.

По мнению Миссироли, фашизм зародился в тот самый период, когда социал-предатели и реформисты разочаровались в благодетельных последствиях октябрьской революции.

„Против максимализма коммунистов,—повествует Миссироли,—выразившегося, между прочим, в захвате фабрик, в памятных драматических (!) заседаниях Всеобщ. Конфедерации Труда выступили д'Арагона и Маццони²⁾. Старый социализм, проникнутый либерализмом и демократизмом, появился на авансцене, сказал „я не хочу“ и победил. Но ведь Маццони, осудивший захват фабрик,—не правительство и еще в меньшей степени представлял собой фашизм“.

Далее Миссироли рассказывает о систематических выступлениях горе-социалистов, в роде Ноффри, Поццани и особенно Ф. Турати, направленных к уничтожению в мозгах рабочих „русского мифа“, т.-е. большевизма. Коммунисты на Ливорнском конгрессе потребовали исключения реформистов,—рассказывает Миссироли,—но случилось обратное: „пришлось уйти коммунистам. Фигура миланского депутата (Турати) вырастает в глазах рабочих до необычайной высоты... Партия ожила, нашла свою настоящую дорогу. Когда-же появился фашизм? Сейчас-же, вслед за расколом в Ливорно, когда социалистическая партия и Всеобщая Конфедерация Труда переживали период естественного расслоения, когда массы

¹⁾ Mario Missiroli. Il fascismo e la crisi italiana, 1921 г.

²⁾ Два реформиста-предателя, способствовавших срыву захвата фабрик.

освободились от чар социализма и начали мыслить в другом направлении.. “ 1)

Если послушать Миссироли, эти поиски нового мирозерцания—после разочарования в революции—особенно болезненно переживались молодежью. По его словам, она была покинута в этот критический период взрослыми. Война и революция внесли смятение в юные сердца, но юношам не с кем было говорить, не с кем было посоветоваться.

„А между тем,—резюмирует Миссироли,— жизнь не стояла на месте. Литературный и вообще духовный багаж нашей молодежи был слишком недостаточен для того, чтобы при помощи его они могли бы справиться с бедой... Достаточно было бы прислушаться к их разговорам в кофейнях, чтобы почувствовать, что в мозгах их происходит брожение. зарождаются какие-то новые идеи... А между тем вся живая и здоровая сила нашей нации заключалась в этой молодежи. Разочаровавшись в социализме, чувствуя себя покинутыми буржуазией (!) и непонятыми официальной культурой, эти юноши поспешили углубиться в себя самих“. На смену коллективистическому мировоззрению таким образом, по мнению автора, явилось укрепление индивидуализма.

„Но никто из нас не может долго жить в круге узкоэгоистических переживаний,—заявляет М. Миссироли,— и потому все эти юноши, из которых многие с нетерпением ждали революции, но не дождались ее, резко повернули вспять к старым традициям и впереди всего поставили дело возвеличения нации“.

Переходя, однако, к попыткам дать определение фашизма, Миссироли попадает в крайне затруднительное положение. Он не может подыскать подходящего определения этого движения. Он утверждает только, что одинаково ошибочно причислять это движение к явлениям чисто идеалистического и романтического характера или считать фашизм „белой гвардией, состоящей на откуп у крупной промышленности и банков“. Найти истинную сущность его гораздо сложнее, ибо фашизм слишком быстро развивается и слишком часто меняет окраску.

1) Т.е. когда реформисты Италии предали рабочий класс.

Тем не менее Миссироли несколькими страницами ниже, дав описание славных подвигов фашистской молодежи во время подавления крестьянского восстания в Феррарском округе, сопровождает его следующими весьма недвусмысленными комментариями. (Желая найти хоть некоторое извинение буржуазной молодежи, травившей собаками восставших крестьян и батраков, разорявшей их жилища, избивавшей их до полусмерти, а иногда и до смерти своими дубинками, вводящей местами крепостное право и принудительное вступление в фашистские ячейки, Миссироли прибегает к сравнению жестокостей, совершенных обеими сторонами, т.-е. бастовавшими батраками, отстаивавшими свои законные права, и нападавшими на них помещиками).

„Если социалистически-настроенные крестьяне,—говорит он,—и прибегали иногда к преступлениям в борьбе, наша гражданская совесть находила себе утешение в том, что массы, под влиянием воспитания, смогут, хоть медленно, но все же неизбежно, с течением временем возвыситься над нынешним низким моральным уровнем, проистекающим из жестоких инстинктов и эгоизма“.

„Но мы не находим никакого извинения, никакого утешения, когда подумаем о насилии, заранее обдуманном и всегда прибегавшем к оружию, практиковавшемся бессердечной буржуазией, которой ее безграничное превосходство в смысле образования, воспитания, нравов, обеспеченной жизни и т. д. не мешало не только убивать, но—что еще хуже—подвергать людей мучительству и издевательствам¹⁾. Горький пессимизм охватывает нашу душу при мысли о том, что двухтысячелетняя эра христианства почти ни на йоту не изменила психологии человека в его отношении к другим людям. Невыносимая тревога и беспокойство овладевают нами при виде безотрадной действительности, свидетельствующей о том, что личные выгоды или интересы класса могут толкнуть человека на братоубийство. Если действия членов Лиги (крестьянской) должны вызывать осуждение, то о карательной экспедиции, руководимой юными студентами или лиценстами

1) Курсив наш.

юпошами, обучающимися в наших школах и университетах, читавшими, несомненно, Кардуччи и с волнением декламировавшими „Божественную Комедию“, можно подумать только с крайним отчаянием в душе. Много раз я, думая в последнее время о многих моих друзьях—фашистах ¹⁾, вспоминал о том, как они, сидя со мной на одной университетской скамье, читали со мной же вместе Карлейля или чувствительный роман Вертера,—и никогда при этом не могли скрыть охватывавшего их глубокого волнения... Я вспоминал также—не без улыбки—как реагировали они на чтение Леопарди и мистиков, и никак не могу понять, как они решились вступить на путь кровавой мести и пыток. Как могут они вступать в борьбу с рабочим, который лишь по складам и без труда может прочесть стихи Данте, заученные нами на память? Или—поставить себя на одну доску с батраком или каким-либо председателем крестьянской лиги, имея в кармане диплом, а в недавнем прошлом—величайшее счастье изучить Паскаля и Кардуччи, Риччи и Ориани? Я никогда не мог понять, как это происходит, что превосходство в культурном отношении не может продиктовать человеку отказа от земных, материальных благ; каким образом сознание человека, стоящего на самой верхушке социальной лестницы, не заставляет его воздержаться от боевой схватки с теми, кто стоит на самой низкой ступени ее?“.

Марио Миссироли—слишком опытный и старый журналист, чтобы мы могли верить искренности его недоумения. Он прекрасно понимает, что такое классовая борьба и почему знание наизусть „Божественной Комедии“ несколько не препятствует помещику выступать на защиту частной собственности и засекал на смерть того батрака, который будет склонять своих товарищей к организации забастовки у этого помещика или даже только участвовать в ней. Один из выдающихся фашистских деятелей, Баранчини, только на днях, когда писались эти строки, в своей речи, произнесенной в Палате, т. е. перед лицом мира, открыто хвастал тем, что он собственноручно сек „бунтовавших рабочих“! И разве кто-либо из депутатов либеральной фракции, т. е. партийных

¹⁾ Курсив наш.

единомышленников Миссироли, выступил со словом осуждения по адресу этого негодяя или, по крайней мере, прекратил подавать ему руку? Миссироли прекрасно знает, что именно в этом противоречии между показной культурой и рабовла-

Полковник Вильям-Джон Симонс, один из верховных вождей Ку-Клукс-Клана (американского фашизма), в парадном облачении своего „ордена“.

дельческими инстинктами господ образованных помещиков и фабрикантов, как в капле воды, отражается вся безграничная низость и бесчеловечность современного капиталистического строя. Поэтому—грош цена всем этим лирическим излишням

старого либерального болтуна и друга многих господ Баранчини, собственноручно секших рабочих. Возможно, что именно с Баранчини они вместе проливали слезы над Данте и Вертером, но ни одной слезы...хотя бы гнева или негодования Миссироли не пролил над рабством трудящихся масс Италии, в которое их обратили фашисты.

Из всех слов Миссироли можно и должно принять на веру лишь первую часть высказанной им альтернативы.

Да, фашизм представляет собою не что иное, как белую гвардию, состоящую на откупу у помещиков, крупной промышленности или банков. Буржуазная молодежь, развращенная специфическим воспитанием и постоянным воздействием своей среды,—боевой авангард этой гвардии, прославившийся своей особенной разнузданностью и жестокостью.

Мы находим свидетельство об этих подвигах фашистской молодежи еще у одного откровенного друга фашизма, укрывшегося за тремя звездочками, автора статьи „La revolution fasciste en Italie“ (в париж. журнале „Correspondant“ от 25/III 1923 г.), который между прочим говорит:

„Было бы смешно пытаться представлять, как некоторые это уже делали, фашистскую молодежь херувимами. Они очень часто позволяли себе поступки, весьма мало заслуживавшие похвалы“.

И дальше он сам перечисляет все приемы борьбы, употреблявшиеся фашистами и их молодежью против трудящихся масс; тут и избиения, индивидуальные и коллективные, разгром частных жилищ, сожжение ферм, кружков, лиг, изгнание законно избранных депутатов из местных муниципалитетов, высылки, самовольные аресты, пытки путем вливания в горло жертвы огромного количества рицинового масла и т. д.

Карательные экспедиции, руководимые по большей части фашистской молодежью, и по сей день наводят страх на целые округа, „берут в плен“ города и села и производят массовые избиения и погромы.

А на знамени у них написано:

— Отечество выше всего! Италия должна управлять миром!

9. Программа и устав фашистской партии.

В одной из своих недавних статей Муссолини сказал, что безумную попытку делают те, кто хочет фашизм отделить от Муссолини и наоборот. На этот раз вождь итальянских погромщиков совершенно прав. Фашизм и Муссолини неотделимы друг от друга. Личной энергии Муссолини фашизм обязан, по крайней мере, половиной своего успеха. В начале статьи мы попытались уже набросать те глубокие причины экономического характера, которые обусловили собой огромные успехи фашизма в Италии. Мы вообще понимаем, что причины идеалистического характера, в частности деятельности отдельных лиц, могли в развитии итальянского фашизма сыграть лишь подчиненную роль, но до тех пределов, до которых человеческая личность может влиять на развитие исторического пути данного народа или класса, до этих пределов действительно распростерла свое исключительное влияние, незаурядная в смысле физической энергии и необычайной настойчивости, личность Муссолини. Для фашизма бывший социалист и редактор центрального органа партии Муссолини явился не только рекламной вывеской, но оказался человеком, положившим все свои силы на усиление и оформление фашистской партии, как таковой. Фашисты первого призыва, как они любят себя называть, мало заботились о том, чтобы сорганизоваться в определенную политическую партию, выработать свою программу, обзавестись печатью и т. д. По большей части, это были либо старые ренегаты и предатели рабочего класса, которых удовлетворяла всякая, даже неорганизованная, месья трудящимся массам за то, что они посмели восстать против капиталистов и аграриев, либо фашистская молодежь, тешившаяся собственной отвагой и проводившая все свое время в карательных набегах на незащищенные деревни и местечки. Ни те, ни другие не пуждались в программах, съездах, прессе, общем национальном объединении и т. д. Напротив, многие из них относились отрицательно к организации фашистской партии. Они боялись, что устав даже фашистской партии сможет связать их по рукам и ногам и ограничить свободу погромной деятельности. Эти опасения они прикрывали трескучими разглагольствова-

ниями на тему о том, что всякое движение, приняв организационные формы, теряет свой революционный характер, а ведь фашисты считали себя „революционерами“, поскольку их контр-революционная деятельность должна была привести к „возрождению“ Италии. Большую оппозицию в среде буйных голов основателей фашизма вызвала первая попытка со стороны Муссолини превратить фашизм в политическую партию, конкурирующую с другими буржуазными партиями в борьбе за депутатские кресла.

Это предложение Муссолини едва не повело к крупному расколу с первых же дней существования фашистского движения.

Но Муссолини проявляет исключительную энергию и настойчивость не только в борьбе с „внешним“ врагом, т. е. с трудящимися массами Италии. Он самый положительный и самый умеренный из лидеров фашистской партии. Это — практический политик с головы до ног. В своей партии он умеет властвовать. Все те, кто выступает против него в рядах самого фашизма, кончают тем, что в худшем случае их выбрасывают из рядов движения, в лучшем, они теряют свою популярность и подвергаются систематической травле на столбцах фашистского официоза, в котором наибольшим влиянием пользовались всегда Муссолини и его брат.

С первых же дней фашистского движения, за трескучими фразами о великой Италии, незыблемых национальных идеалах, главенстве Италии над всем миром, воинственными фразами, направленными против Антанты, Югославии и пр., в речах Муссолини отражалось твердое намерение превратить фашизм в организованную буржуазную партию сначала, и в правящую, затем. Из всех фашистских вождей Муссолини наиболее настойчиво стремился к организационному объединению рассеянных во всех концах Италии фашистов и выработке национального статута или программы партии.

Если мы обратим внимание на предисловие, написанное Муссолини к „статутам национальной партии фашистов“, то это не только уяснит нам его намерения, но и поможет бросить ретроспективный взгляд на развитие фашизма, как организованной политической партии. Напомним, что первые ячейки фашистского движения, набранные Муссолини по

большей части из бывших участников войны, были организованы в Милане в марте 1919 года. Предисловие же к программе написано Муссолини в декабре 1921 г. Таким образом Муссолини в этом предисловии имеет возможность подвести итоги „идейной“ эволюции фашизма за первые три года его существования.

В этом предисловии Муссолини отмечает, что программные лозунги первых групп фашизма были весьма несложны: отомстить за неудачи интервенции, расширить достижение победы, бороться против большевизма. Флорентийский съезд—первый национальный съезд фашистов—не оказался в состоянии формулировать какой-либо программы. На втором съезде в мае 1921 года в Милане были намечены лишь первые линии политической программы.

„Между тем,—пишет Муссолини,—к концу 1920 года итальянский фашизм начинает приобретать размеры гигантского национального движения. Подобное развитие, имеющее характер молниеносного и чудесного, ясно сказалось в течение всего текущего года, который можно было назвать годом фашизма, поскольку вся политическая жизнь Италии—от парламента до улицы и газет—была почти одержима фашизмом“.

Отсюда, по мнению Муссолини, и явилась необходимость попытаться, осознав всю политическую ответственность фашизма, создать программу. Муссолини жалуется в своем предисловии на необычайную трудность в какой бы то ни было программе согласовать теорию с практикой (мы понимаем, что для фашистов, ничем, кроме разбоев, карательных экспедиций, избиений и разрушения национальных и партийных учреждений, не занимавшихся, эта задача оказалась особенно деликатной),—вот почему сам Муссолини готов признать, что программа фашистов и ее устав в том виде, в каком они действуют сейчас, меньше всего напоминают собой шедевр.

„Вряд ли есть необходимость,—говорит Муссолини,—заявлять, что фашистская программа не есть догматическая теория, не допускающая никаких дискуссий об ее пунктах. Наша программа находится в постоянной переработке и переложке. Она подвергается непрерывному пересмотру. Единствен-

ный способ сделать ее жизненной заключается именно в этом⁴.

И далее Муссолини садится на излюбленного конька, доказывает, что вся соль фашистской программы заключается в „моральной подготовке“ ее членов. Он благо разумно умалчивает о том, что эта моральная подготовка сводится лишь к обучению револьверной стрельбе и умению владеть остроконечной дубинкой, но гордо заявляет:

„Мы в достаточной степени благо разумны, чтобы воздержаться от уверения в том, будто спасение Италии зависит исключительно от осуществления нашей программы. Мы не страдаем этой целепой манией величия. Фашистская программа— есть программа серьезная, честная, заглядывающая далеко вперед и чуждая демагогических лозунгов. Она не избегает конкретных задач (еще бы, эту конкретную работу фашистов почувствовали на своей спине трудящиеся массы всей Италии, против которых и направлена целиком вся погромная деятельность фашистов!), доходит даже до мельчайших статистических исследований, но вместе с тем и возвышается до цельного представления об Италии, для которой с Витторио Винетто (победа над австрийцами, с которой не перестают носиться, как с писаной торбой, и до нашего времени фашисты) начинается новый период ее истории.

Свое предисловие Муссолини, давно, очевидно, наметивший в своих собственных планах дальнейший ход деятельности партии, заканчивает парой весьма туманных дипломатических фраз:

„Великая миссия и великая ответственность стоят перед итальянскими фашистами. Фашизм внедряется все более глубоко в жизнь нации. Бесплезно заранее распространяться о будущем развитии фашистского движения“⁵.

Вся последующая деятельность Муссолини дает полное основание предполагать, что эти слова были написаны человеком, уже тогда решившим, что для спасения Италии ему необходимо занять пост премьер-министра.

Если мы захотим вкратце передать главнейшее содержание фашистской программы, то мы получим ряд следующих положений:

1) Государство, в глазах фашистов, представляется юридическим воплощением нации. Поэтому политические

установления страны являются для них приемлемыми формами лишь постольку, поскольку национальные ценности находят в них выражение и опеку.

2) В компетенцию парламента входит ряд проблем, которые на самом деле должны подлежать компетенции специальных технических совещаний, а следовательно, права и функции, предоставляемые парламенту в настоящий момент итальянской конституцией, должны быть значительно ограничены.

3) Государство должно быть суверенным, и его суверенитет не может и не должен быть затронут церковью, которая, в свою очередь, должна пользоваться в своей деятельности полнейшей свободой.

4) Что касается корпоративных организаций (имеются в виду рабочие синдикаты), их деятельность ни в коем случае не должна вести к тому, чтобы отдельная личность тонула в коллективе.

Примечание: Этого пункта вполне достаточно, чтобы идеологически оправдать всякое штрейкбрехерство и предательство в рядах рабочего движения.

5) Фашистская программа выдвигает следующие положительные требования в пользу рабочих и служащих: а) государственный закон, санкционирующий 8-ми часовой рабочий день, однако с возможными отклонениями, вызываемыми неотложными нуждами фабричной промышленности или земледелия, б) социальное законодательство, гарантирующее рабочим обеспечение от дряхлости и последствий несчастных случаев (опять-таки с оговоркой: „поскольку от этого не пострадают интересы производства“), в) представительство от рабочих в управлении каждого предприятия, ограниченное областью, касающейся личного состава предприятий, г) оказание доверия тем рабочим организациям, которые оказались бы морально достойными и технически подготовленными для того, в смысле предоставления им права управлять промышленным или государственным предприятием.

Примечание. Этот совсем не замаскированный пункт открыто намечает обширные льготы для будущих фашистских синдикатов.

6) Развитие мелкой собственности во всех тех областях хозяйственной деятельности, в которых это может обусловить их большую производительность.

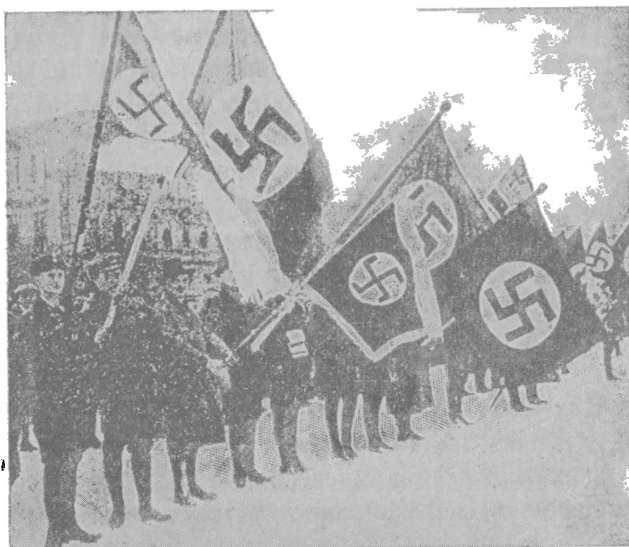
7) Внутренняя программа сводится к тому, что „национальная партия фашистов стремится к величайшей чести быть правительством страны“. Им это нужно для того, чтобы восстановить этическое представление о государстве, которое управляется не в интересах партии или отдельных просителей, а для высших интересов нации. Необходимо восстановить престиж национального государства. Государство должно всячески благоприятствовать развитию нации.

8) В области внешней политики: „Италия утверждает свое право на свое полное историческое и географическое единство даже и там, где присоединение еще не завершилось“. „Италия—передовой бастион латинской культуры на Средиземном море“. „Фашизм не верит в жизнеспособность Лиги Наций или красных, белых и желтых интернационалов“. „Международные договоры должны быть пересмотрены и изменены в тех своих частях, которые оказались неприменимыми и, следовательно, должны быть урегулированы на основе требований национальной и мировой экономики“. (Нижже мы будем иметь возможность убедиться в том, как блестяще проводится в жизнь это обещание фашистской партии даже теперь, когда вся полнота государственной власти в Италии принадлежит ей). Государство должно содействовать благосостоянию итальянских колоний. Нужно облагородить дипломатический корпус Италии, которому поручается защита величия Италии во всем мире.

9) В области финансовой политики и экономического возрождения страны фашисты намерены добиваться: а) оздоровления государственного баланса путем сокращения состава административных органов и строжайшей экономии в их расходах; б) сокращения всяких субсидий или привилегий со стороны государства консорциумам, промышленным, кооперативным и другим предприятиям, оказавшимся неспособным к самостоятельному существованию (ниже мы убедимся, что осуществление этого пункта Муссолини начал с... противоположного, а именно, предоставления субсидий обанкротившимся фабрикантам); в) упрощения налогового аппарата и перераспределения налогов без предоставления льгот той или иной категории граждан, т.е. отмены пропорционального начала в налоговой системе и возложения одинакового бремени

налогов на капиталистов и рабочих, помещиков и батраков; г) сокращения общественных работ, устраиваемых, по большей части, по мотивам избирательного характера (иными словами, сокращение борьбы с безработицей и всеми страданиями, которые это бедствие приносит рабочему классу Италии).

Мы опускаем ряд пунктов финансово-экономической программы, очевидный смысл которых заключается в сведении счетов с партиями, стоявшими у власти до перехода ее к

Германские фашисты со своими знаменами.

фашистам, и ограничимся лишь приведением самого важного принципа, который лучше всего характеризует физиономию фашистов, как открытых наемников крупного капитала. Этот пункт гласит: д) стремление к передаче в руки частных предпринимателей телефона и железных дорог, а также отказ от монополий почты и телеграфа в том духе, чтобы частная инициатива могла совершить и при случае вполне заменить государственную службу (это и есть единственный пункт экономической программы, который Муссолини поспешил

с необычайной быстротой провести в жизнь, как только власть очутилась в его руках).

10) Наиболее выпуклым во всей программе фашистов представляется раздел, озаглавленный „основные положения социальной политики“. Вкратце он сводится к следующему: „Государство признает за частной собственностью социальные функции....“ Национальная партия фашистов стремится к такому строю, который, побуждая личную инициативу и энергию, способствует накоплению национального богатства при абсолютном отказе от всяких запутанных, дорого стоящих, антихозяйственных махинаций, связанных с национализациями, социализациями, муниципализациями и т. д.

11) Пунет о национальной обороне гласит о том, что армия должна стремиться стать вооруженной нацией. Высшей целью ее является защита национальных интересов. Армия, по мнению фашистов, должна преследовать двойную цель: „зорко наблюдать за завоеванными границами, а с другой стороны, держать в напряжении умы людей внутри страны, где все должны быть готовы, обучены и учтены в каждую минуту, так, чтобы нация могла выявить всю свою мощь в час опасности и славы“.

Фашистская программа посвящает сравнительно очень мало места вопросу об организации правительственной армии, ибо ее собственная милиция является силой, конкурирующей в Италии с королевской армией, но об организации фашистской милиции — до захвата власти Муссолини и после — речь будет идти впереди.

10. Организационное строительство партии.

Органами управления Национальной фашистской партии являются следующие: 1) Национальный Совет, 2) Центральный Комитет, 3) Правление, 4) Генеральный Секретариат.

Первичной формой фашистской организации являются так называемые „связки“ (фашио), т.е. группы фашистов, насчитывающие не меньше двадцати членов. Связки еще иначе называются секциями партий. Там, где не имеется налицо двадцати членов, могут быть образованы меньшие группы, именуемые подсекциями. Во главе каждой связки имеется

заведующий и политический секретарь. Связки в каждой провинции объединяются в провинциальные федерации, которые в свою очередь поддерживают связь между собой.

Национальный Совет партии составляется из членов Центрального Комитета и политических секретарей, выдвигаемых провинциальными федерациями. Он представляет собой орган, контролирующий деятельность фашистских связок на местах. Обычно Национальный Совет собирается раз в шесть месяцев, но может быть созываем и в чрезвычайном порядке.

Центральный Комитет партии выбирается Национальными Конгрессами, при чем полномочия его действительны в промежутках между двумя конгрессами. Основная задача Центрального Комитета — общее направление деятельности партии. Центральный Комитет инструктирует места, дает директивы парламентской фракции, принимает необходимые дисциплинарные меры в отношении отдельных членов и органов партии. Центральный Комитет является также единственным органом партии, призванным, на основании постановлений конгрессов, формулировать те или иные программные положения, а также вносить и те быстрые изменения в деятельность фашистской партии, которые могут потребоваться в промежутке между конгрессами. Комитет собирается раз в три месяца, не считая чрезвычайных случаев. Для быстрого выполнения своей работы Центральный Комитет пользуется еще Правлением партии и Генеральным Секретариатом. Правление партии во всех областях, за исключением установления норм политического характера, пользуется теми же правами, что и Центральный Комитет, и так же, как и он, избирается Национальным Конгрессом. Генеральный Секретариат состоит из генерального секретаря партии, двух политических вице-секретарей, одного административного секретаря, не считая технического персонала. Генеральный секретарь партии обычно назначается Центральным Комитетом по представлению Правления. Он находится в постоянной прямой зависимости к обоим этим инстанциям, дает директивы делегатам на местах, секретарям провинциальных федераций и отдельным связок, намечает и вербует пропагандистов и несет ответственность за дисциплинированную работу всего служебного персонала партии.

Таковы общие черты партийной структуры фашистов. Было бы слишком обременительно и, пожалуй, бесполезно для читателя знакомиться с более детальным устройством местных ячеек, провинциальных федераций и т. д. и т. д. Отметим лишь, что при каждой местной связке имеются еще так называемые „компетентные группы“. Эти группы ставят своей целью объединение местных наиболее интеллигентных и способных фашистов, чтобы—как гласят статуты партии—сделать возможным изучение любой проблемы, политической, экономической, социальной, интересующей всю нацию или только данную местность, провинцию или „коммуну“. Эти группы изучают каждый такой вопрос в подготовительном порядке и являются чем-то в роде ученых экспертов в собрании... громил местной связки. Связка не имеет права ставить вопросов в порядок дня, если по нему нет предварительного заключения „компетентной группы“ и т. д.

Гораздо интереснее ознакомиться с тем, как организованы военные силы фашистов, обеспечившие им осенью прошлого года победу над правительством Факта.

11. Боевые кадры фашистов—фашистская милиция.

Основной ячейкой боевой мощи фашистов явились так называемые боевые кадры. Приводим здесь те пункты фашистского устава, которые относятся к образованию этих ячеек:

1. Каждая связка обязана сконструировать боевые кадры для единственной цели—воспрепятствования насилиям со стороны противников и защиту, по требованию высших органов партии, важнейших интересов нации.

2. Все фашисты входят в боевые кадры. Главной инспекцией кадров надлежит своевременно отдавать приказы в целях лучшего использования всех элементов боевых кадров. Каждый боевой отряд собирается под присвоенным ему знаменем.

3. Каждый боевой отряд избирает из своей среды, в согласии с правлением своей связки, одного командира.

4. Там, где имеется несколько кадров, командиры отдельных отрядов указывают правлению связки одного главного командира.

5. В политическом отношении кадры подчинены правлению каждой связки; в дисциплинарном отношении—своему командиру.

6. Все боевые кадры подчиняются приказам, исходящим от главной инспекции, организуемой при секретариате партии.

7. Кадры составляют вместе со связками одно неделимое целое,—поэтому не должно допускаться конструирование автономных групп, соперничество между властями и т. д.

Смесь присущего фашистам пустого краснобайства, фанфаронства, лицемерия и цинизма представляет собой так называемый „дисциплинарный устав“ фашистской милиции. Он слишком однако пространен для того, чтобы преподносить его читателям *in extenso*, но все-же любопытно ознакомиться с отдельными перлами этого устава. Характерными являются следующие пункты:

1. Фашистская партия всегда представляет собою милицию.

2. Фашистская милиция—на службе у господ бога и итальянского отечества. Она приносит присягу следующего содержания: „Во имя бога и Италии, и во имя всех павших в битвах за величие Италии, я клянусь посвятить себя исключительно и без всяких оговорок благу Италии“.

3, 4, 5 и 6 пункты гласят о необычайной доблести фашистского воина, всегда удерживающей его от компромиссов, о дисциплине, одинаково обязательной и для офицера, и для солдата фашистской милиции.

Пункт 7-й, содержащий высокопарные рассуждения о „морали“ фашистского воина, стоит того, чтобы его привести целиком:

„Фашистский солдат обладает своей особой, только ему присущей, моралью. (Еще-бы! В этом не могут сомневаться крестьяне и рабочие, жилища которых подожжены или разорены, их жены и дети, не говоря уже о них самих, избиты до полусмерти!). Предписания общей морали относительно семьи, политических и социальных отношений не имеют для него никакого значения. Для него, как и для рыцарей прежнего времени, единственным законом является честь,—закон, ведущий человека все выше и выше по пути совершенства, все-же остающегося для него недостижимым,—закон всемо-

гущий, суровый, граничащий с абсолютной справедливостью и обязательный для него даже тогда, когда он противоречит формальному, письменному закону, всегда стоящему ниже его“.

Этот пункт характерен не столько своей затхлой, классической „словесностью“, сколько тем, что он является наиболее откровенной декларацией фашистов о том, что в своей борьбе с трудящимися массами Италии они отнюдь не собираются ограничивать себя рамками законности. Он может явиться лучшим обвинительным актом против тех буржуазных правительств (Бонами, Факга), которые, открыто покровительствуя фашистам, часто делали вид, что они готовы бороться с ними. Если они терпели наличие такого пункта в уставе фашистской армии, то только иезуитски-буржуазным лицемерием можно объяснить их неискренние жалобы на фашистов.

Не менее характерен и 10-й пункт, наглядно вскрывающий то обстоятельство, что главной целью фашистов всегда являлась борьба с внутренним, классовым врагом (крестьяне и рабочие), а не с внешним, парадные тирады по адресу которого должны были лишь служить отводом для глаз. Дело в том, что, по уставу, фашистская милиция изгоняет из своих рядов нечистых, недостойных и предателей.

В 10-м пункте разъясняется, кого следует причислять к нечистым.

„... К нечистым относится и тот, кто проявит какую-либо слабость характера, кто не использует всех имеющихся в его распоряжении средств для мужественного нападения на внутренних, явных или тайных врагов Италии ¹⁾, того, кто не сумеет в борьбе с этими врагами встать на принцип—жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, руку за руку, поджог за поджог, удар за удар, рану за рану,—того, в ком хоть сколько-нибудь поколеблется вера, в душу которого внедрится малейший скептицизм или сомнение в момент, когда военное выступление уже предпринято,“ и т. д.

Можно не сомневаться в том, что все эти правила, из которых мы привели лишь незначительную часть, немало способствовали выработке из членов фашистской молодежи

¹⁾ Курсив наш.

тех неумолимых, закоренелых погромщиков, которыми они себя зарекомендовали с первых же шагов своей почтенной деятельности. Разумеется, они не останавливались никогда на предписаниях даже своего собственного устава, а всегда старались перешагнуть через них. Так, они поджигали сотни крестьянских домов, помещения их лиг и камер труда в тех местностях, где помещичьи виллы, здания, принадлежащие „союзу аграриев“, и казармы, в которых помещались их собственные банды, оставались никем не тронутыми; разоряли крестьянские и рабочие кооперативы в то самое время, когда новоявленные фашистские кооперативы не только работали в полной безопасности, но и получали от пресмыкавшихся перед фашистами правительств ряд льгот и субсидий; избивали палками и требовали прошений об отставке от сотен и тысяч социалистов—гласных, муниципальных советников, синдиков и т. д., хотя фашистских муниципалитетов никто не разгонял хотя бы по той простой причине, что их не было в Италии, и т. д.

Но, разумеется, материальная мощь фашистской милиции заключалась не в этих пунктах о своеобразной фашистской морали, дисциплине, средневековом рыцарстве и т. д. (хотя, при помощи этих понятий, им и удавалось олурачить большие кадры молодежи—не только помещичьего, но иногда и мелкобуржуазного и даже рабочего происхождения), а в той реальной поддержке, которую фашистская милиция получала от правительства и имущих классов. Теперь уже ни для кого не секрет, что фашисты имели много своих генералов в военном министерстве и генеральном штабе, которые в любой момент снабжали их нужным вооружением, передавая им все содержимое складов регулярной армии. Многие офицеры и генералы регулярной армии одновременно—из патриотизма или из желания пополнить свой заработок—состояли на службе и в фашистской милиции, где им, конечно, присваивались высшие чины и выплачивались более крупные оклады. Такие генералы и офицеры никогда, конечно, не задумывались над тем, где кончаются их функции чинов регулярной армии и начинаются партийные обязанности, как фашистов. Они-то и представляли истинную мощь фашистской милиции. Достаточно вспомнить, какую огромную роль в фашистской милиции сыграл генерал

Диац, нынешний военный министр. Гражданские власти, конечно, тоже не отказывали фашистам в своем благосклонном содействии. Карабинеры, королевская гвардия и тайная полиция всегда, по приказу служащих им правительств, оказывали фашистам деятельную поддержку. Если в деревне происходила какая-либо стычка между фашистами и левыми, то виновные фашисты почти никогда не отыскивались полицией; левых же они всегда находили и передавали судебным властям или сами сажали под арест. В случае нападения на данную местность карательной экспедиции, организованной фашистской милицией, местная полиция в лучшем случае держала благородный нейтралитет, обычно же оказывала всемерную поддержку погромщикам. Поведение местных властей проявлялось особенно ярко во время выборов, когда фашистской милиции удавалось иногда держать в осаде целый округ и наводить панический ужас на население до тех пор, пока выборы не кончались в их пользу.

И все же—надо отдать справедливость энергии и изобретательности руководителям фашизма,—они сумели использовать для увеличения своей популярности в стране и некоторые психологические особенности итальянского народа, как например, его любовь к красивым и пышным зрелищам.

В фашистской милиции самое деление на легионы и центурионы было заимствовано из римской армии. Честь отдается фашистскими воинами и начальниками тоже по римскому образцу. Фашисты перенесли в свою милицию все, что было театрального и напыщенного в римской армии. Знамена и значки отдельных мелких частей („гайардетти“) всегда пестры и привлекают взоры зевак. Музыка играет исключительную роль „в походах“ фашистов, равно как и дикие воинственные и не всегда понятные выкрики. Черные рубашки, в которые одеты фашистские воины, должны представлять собою одновременно эмблему простоты, скромности и суровой решимости.

Фашисты—нужно признать—большие мастера на всякие театральные представления, смотры, пышные маневры и т. д. Их парадные выступления резко отличаются от будничной погромной работы, и в тот самый момент, когда где-нибудь в глухой деревушке они избивают беззащитных членов

крестьянской лиги, часто вымазывая после экзекуции их лица сажей и води несчастных с веревкой на шее по главным улицам селений, — они умеют организовывать пышные празднества где - нибудь в Риме или Милане в ознаменование трехсотлетия со дня рождения Данте и декламируют на них трескучие стихи, в которых доказывают, что Данте был провозвестником современного фашизма.

Разумеется, ни на кого так не действуют все эти парады, значки, одеяния, вся шумиха высокопарных фраз и призывы к классической доблести предков, как на молодежь, подготовленную к этому соответствующим патриотическим воспитанием.

12. Союзы молодежи у фашистов.

К тому моменту, когда составлялись статуты фашистской партии, участие молодежи в фашистском движении, хотя уже и имело огромное значение, но не было оформлено в виде существования обособленных, самостоятельных организаций молодежи. Фашистская молодежь входила в состав общих связей на местах. Но главари партий и в первую голову Муссолини уже обратили тогда внимание на то, что молодежь нужно организовывать в особые юношеские секции.

В цитированном нами выше уставе Национальной фашистской партии мы находим следующую схему устава юношеских организаций фашизма.

Приводим ее полностью, так как в настоящее время эта схема стала обязательной для всех существующих юношеских организаций фашистов.

Собор Кой.

Статья I.

В целях вовлечения юных сил, духовно втянутых в орбиту ее действий и ее пропаганды, Национальная фашистская партия принимает меры к учреждению авангарда фашистской молодежи. Секции авангарда фашистской молодежи ставят своей задачей поддерживать работу связок и направлять юношество на изучение вопросов, близко касающихся жизни и развития нации.

Статья II.

Каждая связка должна озаботиться в ближайший же срок организацией в пределах территории, на которую распространяется ее влияние, авангарда фашистской молодежи, составляющего первое звено связи для всех фашистов, достигших 15-тилетнего и не перешедших за 18-тилетний возраст.

Статья III.

Связки, не имеющие возможности приступить к немедленной организации этого первого звена за отсутствием налицо элементов данного возраста, должны немедленно развить энергичную пропаганду, имеющую целью привлечь к себе таковые элементы и затем приступить к организации юношеской секции из числа записавшихся членов.

Статья IV.

Вследствие изложенного, Правление Национальной партии фашистов сим постановляет, что все существующие в разных городах секции так называемого студенческого авангарда должны немедленно реформироваться в авангард фашистской молодежи.

Статья V.

Секции авангарда фашистской молодежи должны организовываться и функционировать на тех же самых основаниях, на которые опирается конституция и деятельность местных связок. Та же схема статута будет действительна для секций молодежи, разумеется, если она будет соответственно переделана, принимая во внимание, что в них входят только юноши от 15 до 18 лет.

Статья VI.

В виде исключения и с утверждения в каждом отдельном случае Правлением местных связок, в авангарды фашистской молодежи смогут входить также и те фашисты, которые уже перешли за 18-тилетний возраст, но могут внести в юношескую организацию свою долю опытности, серьезности и подать благой пример более юным товарищам.

Статья VII.

Правление авангарда молодежи подчиняется Правлению местной связки. Секретарь авангарда молодежи принимает участие в заседаниях Правления местной связки в каждом отдельном случае, когда разбираются вопросы, могущие интересовать юношескую организацию.

Статья VIII.

Авангард фашистской молодежи содержится за счет взносов членов, записанных в него, а также средств, которые могут быть ему предоставлены местной связкой в виде субсидий. Административным управлением авангарда ведает специальный секретарь, выделяемый Правлением авангарда, но находящийся под контролем Правления местной связки.

Статья IX.

Организация юношеского авангарда в обще-национальном масштабе и ее деятельность регулируются следующими органами:

а) **Центральный Комитет.**—Центральный Комитет избирается Национальным конгрессом авангардов и обычно собирается раз в полгода. В него входит по одному представителю от тех областей, в каждой из которых находится по меньшей мере десять регулярных сконструированных и работающих авангардов:

б) **Исполнительный Совет.**—Он состоит из семи членов, избранных из числа членов авангарда того города, где помещается Правление Национальной партии фашистов. Члены исполнительного совета входят по праву в Центральный Комитет авангардов. Совет собирается, по меньшей мере, один раз в две недели;

в) **Секретариат.** Канцелярия секретариата молодежи состоит из генерального секретаря, одного административного служащего, а иногда и вице-секретаря. Они назначаются по указанию Центрального Комитета авангарда; официальные же назначения их исходят от Правления Национальной партии фашистов. Канцелярия секретариата помещается при Генеральном секретариате партии и работает под его непосредственным контролем.

Статья X.

Центральный Комитет представляет собой правящий орган авангардов, являясь прямым выразителем воли авангардистов, каковые, избрав его, наделяют его властью для осуществления заданий и директив, содержащихся в постановлениях конгрессов молодежи и входящих в общий план деятельности Национальной партии фашистов.

Статья XI.

Исполнительный Совет при помощи секретариата проводит дело национальной организации секций и координирует их совместную деятельность, а также все распоряжения высших инстанций, имеющие целью способствовать планомерному развитию движения.

Статья XII.

Генеральный секретарь авангардов принимает участие на заседаниях Центрального Комитета партии с правом решающего голоса по вопросам, непосредственно интересующим юношеские организации.

Статья XIII.

Устанавливаются определенные знаки, которые должны будут приобрести все члены авангарда. Для авангардистов также установлена особая вышивка.

Значки и вышивки выдаются канцелярией авангардов секциям молодежи, которые их затребуют за соответствующий взнос (далее, указываются цены).

Приведенная схема устава молодежи была принята Центральным Комитетом временно. Решено было оставить ее в силе до созыва конгресса авангарда фашистской молодежи, имевшего состояться в конце 1922 года. Конгресс молодежи уже состоялся после захвата государственной власти фашистами, и приведенная выше схема считается ныне утвержденной.

Устав юношеских организаций фашистов лишний раз свидетельствует о том, что вся организация их партии построена на палочной дисциплине. Молодежи, как видно из этого устава, не предоставляется никакой свободы, инициативы, она должна слепо повиноваться директивам взрослых фашистов, и самодеятельность ее, а также весь юношеский пыл используются только во время карательных экспедиций, где ей предоставляется полная свобода насильничать и безобразничать во славу величия заветов фашизма.

Фашистские союзы молодежи особенно ярко проявили себя в борьбе с социалистической молодежью, представителей которых они подвергали жестоким побоям и пыткам во время избирательных кампаний. Это не значит, конечно, что они проявляли исключительное мужество в этой борьбе. Не надо забывать, что юноши-фашисты, как и взрослые, пользовались не только при нынешнем правительстве, но и в период правления Бономи и Факта правом безнаказанного ношения оружия, а также полным содействием правительственных властей. В атмосфере этой разнузданности, естественно, усиливались все те отрицательные черты, которые прививались фашистской молодежи преступным влиянием взрослых погромщиков — их товарищей по партии. Палочная дисциплина, слепая, механическая, исключаящая всякие рассуждения, вполне соответствует тем классическим заветам древнего Рима, которые фашистская партия кладет в основу своей школьной политики.

Мы уже видели из первых пунктов фашистского военного устава, что милиция фашистов служит не только отечеству, но „и богу“¹⁾. Таким образом, в основу воспитания фашистской молодежи, кроме вульгарного патриотизма, кладется еще

¹⁾ Текст фашистской военной присяги гласит: „Именем бога и Италии, памятью всех павших в битвах за величие Италии, я клянусь отдавать все свои силы, целиком и без усталы, благу Италии“.

и религия, к отравляющему влиянию которой на этот раз присоединяется еще отвратительное лицемерие, если только подумать о том, что создателями и вдохновителями всей фашистской партии и ее программы являются в большинстве бывшие социалисты-рenegаты, в роде Муссолини или Бианки, лично давно ушедшие от религии.

Это фальшивое и лицемерное преклонение перед устаревшими традициями религии и патриотизма и проникает насквозь всю внешнюю парадную идеологию фашистской партии, единственной сущностью которой является непримиримая борьба с трудящимися массами в целях увековечения капиталистического гнета.

Школьная программа фашистов составлена применительно к этим лицемерным традициям. Так, в своем уставе фашистская партия настаивает на создании „исключительно национального типа элементарной школы, которая могла бы готовить — в физическом и моральном отношении — будущих итальянских солдат, для каковой цели требуется строгий контроль со стороны государства над школьными программами, подбором учителей, их произведениями (!), в особенности в тех коммунах, где господствуют антинациональные партии“, и далее: „Педагогические школы должны строиться на тех же началах, что и школы, для которых они готовят будущих преподавателей. В виду этого необходимо добиться строго национального характера тех институтов, из которых выходят преподаватели даже для низших школ“.

Любопытно, что при организации профессиональных (промышленных и сельско-хозяйственных) учебных заведений фашистская программа ставит своей целью создать „технический класс, средний между исполнителями (т. е. рабочими) и директорами производства“.

Средняя школа должна, по мнению фашистских теоретиков, носить строго классический характер. Необходимо ввести обучение латинскому языку „так, чтобы французский язык не был больше единственным вспомогательным языком“.

Можно не сомневаться, что классическое воспитание, во всяком случае, дало фашистской молодежи возможность усвоить одну из блестящих традиций классического Рима: бесчеловечную жестокость и безграничное презрение к неимущим классам.

13. Расцвет фашизма.

Начало 1922 года следует признать эрой наибольшего расцвета фашистского движения. Прежде всего, промышленный кризис, значительно усилившийся после войны, породивший неслыханную безработицу, обесценивший итальянскую лиру, привел к экономическому обесцениению и истощению рабочего класса. Промышленная буржуазия сочла этот момент весьма удобным для наступления на рабочий класс. Повсюду стали закрываться фабрики и заводы, а на тех предприятиях, которые продолжали функционировать, велась ожесточенная борьба за отобрание у рабочих тех завоеваний, которыми ознаменовались годы революционного подъема в Италии. В целом ряде промышленных городов капиталисты объявили либо локауты, либо производили беззастенчивую чистку предприятий от революционных элементов. Одновременно с этим, росла наглость застрельщиков буржуазии — фашистов. Они ловко сумели использовать истощение рабочего класса и идейный разброд в его рядах для того, чтобы постепенно набросить на него петлю. Речи их ораторов становились все более и более дерзкими и самонадеянными. Фашисты проникли всюду. Они сумели своими погромными действиями аннулировать избирательные успехи социалистов в целом ряде городов и общин. Их влияние в парламенте выросло. Не оставили также фашисты без внимания и синдикальное движение. Начав с штрейкбрехерства и усмирения революционных манифестаций рабочих, они постепенно пришли к необходимости конкурировать с левыми партиями в рядах профессионального движения, и принялись за организацию собственных фашистских синдикатов. Не все ушедшие в фашистские синдикаты, конечно, являются предателями рабочего движения, особенно, если разбирать их поступки с субъективной точки зрения. Это особенно можно было наблюдать в итальянской деревне. После разгрома ряда крупных крестьянских восстаний, в итальянской деревне стал безраздельно царствовать фашистский террор, которому всемерно содействовали помещичьи аграрные лиги, представлявшие собою не что иное, как филиальные отделения местных фашистских связей. В некоторых местностях, как например, в провинции

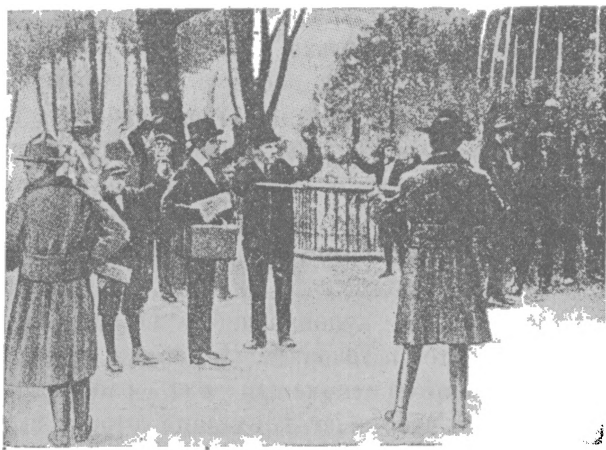
Мантуи, фашистам удалось восстановить средневековое крепостное право. Крестьянские массы были настолько запуганы действиями этих хранителей „рыцарских традиций“, что они, по первому же предложению фашистов, подкрепленному соответствующими угрозами, записывались в местные фашистские связки или же соглашались работать по несколько часов в пользу этих связок. Но фашисты не удовлетворялись этим. Они постарались внедриться в самую гущу повседневных интересов крестьянства и батрачества и их отношений с местными помещиками и арендаторами, а также использовать в своих интересах временное противоречие между интересами трудящихся двух соседних областей. Фашисты прибегали, напр., к следующим приемам: предположим, что в данной области объявлена забастовка сельскохозяйственных рабочих. Помещики, разумеется, немедленно обращаются за содействием к фашистам. Фашисты снаряжают карательную экспедицию и пытаются усмирить забастовщиков на месте, но если им это не удается, они в том же составе, на тех же помещичьих грузовиках, вооруженные средствами ближайшего гарнизона, отправляются в смежные провинции, где не только нет забастовки, но где батраки жаждут работы. Они перегоняют этих батраков под собственным эскортом в ту местность, где происходит забастовка, и заставляют их играть роль штрейкбрехеров. Справедливость требует сказать, что не всегда в таких случаях фашистам приходилось прибегать к насилию. Истощенные долгой безработицей, не видя никакого просвета, забитые батраки не всегда склонны были направлять свои мысли в сторону классовой солидарности. Таким образом, фашистам часто удавалось одновременно достигать двух целей: помещиков они избавляли от мрачных последствий сельскохозяйственной забастовки, а в глазах изголодавшегося безработного люда часто приобретали ореол бескорыстных благодетелей. Главная же выгода фашистской партии заключалась в том, что им удавалось вносить раздор и вражду в ряды трудящихся, солидарность которых могла сулить их собственной партии лишь гибель и разложение. Прodelьвать подобные эксперименты фашистам удавалось не только в деревне, но и в городе. Разумеется, тем, наиболее отсталым и забитым элементам городского пролетариата, которых им удавалось

завлечь в свои синдикаты, не было ни малейшего дела до идеологии фашистского синдикализма, которая заключается в отрицании классовой борьбы и замене ее „солидарностью между предпринимателями и рабочими. Их могли привлечь туда лишь мелкие временные выгоды. Приблизительно теми же причинами объясняется временный успех в рабочей среде так называемой народно-католической партии („пополари“). Если на юге Италии успех народно-католической партии можно приписать религиозному мракобесию, господствующему и поныне среди невежественного крестьянства, то на севере и в центре успех католической пропаганды в рабочей среде объясняется, главным образом, тем, что народно-католическая партия энергично отстаивала всегда мелкие экономические требования рабочих и вместе с тем восставала против фашистских зверств. Следует отметить, что в период расцвета фашистского движения, за исключением революционных партий (социалистов, коммунистов и анархистов), из всех буржуазных партий Италии только одна, народно-католическая, энергично выступала против фашистской тирании, за что часто терпела такие же преследования, как и социалисты. Ее стойкость (или, вернее, выдержка ее вождей) зато изменила ей в момент перехода государственной власти к фашистам, но об этом ниже.

Все остальные буржуазные партии, за исключением народно-католической, откровенно ухаживали за фашистами. Ухаживали за ними правительство и официальные власти. Особенно много симпатий фашисты приобрели в рядах буржуазной интеллигенции, некогда произносившей неискренние речи в пользу „великих начал демократии“, а теперь искренно примкнувшей к фашизму. Огромный успех фашистская партия приобрела в среде лиц так наз. либеральных профессий—профессоров, адвокатов и инженеров, от перепроизводства которых давно страдала Италия. Если мы обратим внимание на нынешний состав Центрального Комитета фашистской партии, то мы убедимся в том, что на полковину он состоит из ученых, профессоров, адвокатов, докторов и т. д. ¹⁾ Университеты стали превращаться в оплоты

¹⁾ Излишне добавлять, что в составе Центрального Комитета нет ни одного рабочего... хотя бы и из фашистских синдикатов.

реакции. О средних учебных заведениях и говорить не приходится—они оказались постепенно рассадниками реакционных идей. Молодежь, которая в Италии была всегда носителем революционных идей (она была всегда с Гарибальди и Мадзини против угнетателей Италии и билась в передовых рядах за ее освобождение, а в период роста рабочего движения в Италии, принявшего необычайные размеры под влиянием русской революции, всегда наполняла ряды социалистических партий и революционных синдикатов), вдруг повернула вправо и встала под реакционное знамя фашизма. Разумеется, я имею здесь в виду, главным образом,

Фашисты арестовывают вождей бастующих рабочих.

помещичью и часть мелкобуржуазной молодежи в городах. Но это не значит, что тлетворное влияние фашизма не коснулось и рабочей молодежи. Помимо страшного бича безработицы, способной всегда толкнуть малосознательные элементы в объятия реакции, здесь несомненно сказалось развращающее влияние империалистской войны. Война развивает культ физической силы за счет духовного развития человека, обесценивает в его глазах жизнь врага, культивирует хитрость, вероломство и предательство. Армия в капиталистическом государстве вносит моральное разложение в души ее участников еще институтом отличий, орденов, чинов и другими

видами соперничества за власть над людьми и влияние. Многие молодые люди вернулись с империалистской войны с опустошенными душами. За 2-3 года сидения в окопах многие из них отвыкли от мирного труда или учебных занятий. Им пришлось по душе ремесло офицера—трудно было расставаться с погонями и отличиями. А между тем фашистская милиция гостеприимно раскрывала перед ними свои ряды. Молодой человек, бывший конторщик или учитель, вернувшись с войны в чине лейтенанта, очень быстро мог в рядах фашистской армии дослужиться до генеральского звания (сам Муссолини, глубоко штатский человек, занимает в фашистской милиции должность генерала!). С материальной стороны фашистская партия также вполне обеспечивала каждого нововступившего члена. Как только молодой человек облакался в черную блузу и вступал в местную связку взрослых или юных фашистов, бич безработицы уже переставал быть для него страшным. Все члены фашистских связок получают от своих организаций оружие и содержание ...по ставкам местных профсоюзов. Но этим льготы не ограничиваются. Фашисту студенту покровительствует в университете фашист-профессор; фашисту-приказчику охотнее, чем другому, предоставит место у себя купец-фашист. О рабочих или крестьянах не приходится и говорить. Принимая их на работу, их товарищ по партии—помещик или фабрикант—может быть уверен в том, что имеет в их лице готовых штрейкбрехеров, которые помогут ему справиться с строптивым духом остальных рабочих.

Таким образом, фашизм для одних стал верным орудием карьеры, для других прибежищем от голода и безработицы. Он стал привлекать к себе многих неудачников, озлобленных и жаждущих мести, и многих разочаровавшихся в революционном движении или пострадавших от него. Фашизм открыл собой в Италии эру неслыханного ренегатства. Во главе фашистского движения стоят вчерашние социалисты разных мастей. Ближайшим другом самого Муссолини и, как утверждают, самым злым гением всей фашистской партии, является бывший синдикалист Микеле Бианки. „Теоретики фашизма“—Церболио, Гранди, Гравина и др.—бывшие социалисты. Благодаря фашизму и тому моральному разложе-

нию, которое он внес в страну, в Италии теперь никто не удивляется тому, что люди меняют свои убеждения гораздо чаще, чем перчатки. Студент, уходящий утром из дома социалистом, возвращаясь домой, спокойно объявляет родным, что он записался в университетскую группу фашистов. То же происходит и с целыми организациями, иногда с рабочими кружками, синдикатами и т. д.

Не нужно однако думать, что это разложение охватило поголовно все элементы крайних партий. Напротив, многие оставались в Италии стойкими революционерами, и никакими насилиями их нельзя было заставить изменить своим убеждениям.

Следует однако признать, что помимо всех политических разногласий, разделявших отдельные течения внутри социалистической партии, а также социалистов от анархистов и синдикалистов,—все революционные партии Италии повинны в крупной тактической ошибке. Может быть, нам гораздо легче судить теперь об этом, в результате всего происшедшего в Италии, все же это необходимо отметить, особенно теперь, когда в целом ряде европейских стран реакционеры начинают организовываться по типу фашистских партий Италии.

Эта тактическая ошибка революционных партий заключалась в том, что они не дооценили значения военной организации фашистов. Первые боевые отряды фашистов, организовывавшиеся у них на глазах, ничего, кроме насмешки, с их стороны не вызывали. Им не приходило в голову, что при открытой поддержке правительства и буржуазных партий фашистские военные организации смогут со временем превратиться в фактор, имеющий решающее значение в политических судьбах Италии. Долгое время им не приходило в голову организовать в какой бы то ни было форме сопротивление этим боевым отрядам. Разумеется, в этой тактической ошибке больше всего повинно реформистское крыло социалистической партии, все свои надежды в борьбе с фашизмом основывавшее на успехах избирательной борьбы. Такая ошибочная тактика и привела к тому, что, параллельно с избирательными успехами социалистов на выборах в муниципалитеты и парламент, росла сила фашистских боевых отрядов, которые

постепенно принялись за аннулирование всех легальных достижений социалистической партии. Ошибочной тактике не в малой степени содействовало и укоренившееся не только среди реформистов, но и социалистов, настроенных более революционно, вера в демократические свободы Италии и во всемогущество парламента. Они видели все безобразия фашистов, видели, что правительство и буржуазия не отказываются от роли сообщников фашистов, но, будучи воспитаны в атмосфере строгой легальной борьбы, они не могли представить себе, что фашисты могут, перешагнув через черту легализма и надсмевшись над их хваленой демократией, совершить государственный переворот в свою пользу. Между тем, дальнейшие события показали, что фашисты лучше этих марксистов поняли следующую незыблемую истину: политические судьбы каждой страны решаются в зависимости от соотношений в ней активных общественных сил.

И некоторые революционные элементы, учувшие всю грозную опасность, которую нес с собой фашизм, с первых же дней попытались противопоставить боевым отрядам фашистов собственные военные организации. Разумеется, люди, почувшие эту необходимость, не принадлежали к депутатам парламента или прочим высокопоставленным социалистам. Эта мысль родилась в рабочих кварталах и среди крестьянской бедноты, непосредственно на себе почувствовавших плоды фашистской тактики. Во многих местах образовались так называемые отряды „красных ардити“ (ардити—по-итальянски соответствует нашему „ударник“). Эти красные ударники, к сожалению, были не особенно многочисленны. Кроме того, полиция, бывшая на услужении у фашистов, яростно преследовала их. В то время, как к услугам фашистских войск были правительственные арсеналы, красные ударники могли приобретать оружие на свои рабочие гроши, подвергая себя, вместе с тем, риску тюремного заключения за хранение его. И тем не менее, рабочая молодежь, входившая в состав красных отрядов, не раз проявляла необычайное мужество в схватках с более многочисленными и лучше вооруженными отрядами фашистской молодежи. Можно только пожалеть о том, что, несмотря на все многочисленные препятствия, которые встречало дело активного сопротивления фашистов, самая идея

организации красных ударников не получила должного распространения в среде итальянских революционеров.

Между тем фашисты, не удовлетворяясь успехами в отдельных стычках или карательных экспедициях, пытались всеми мерами закрепить свое влияние в стране. Не было ни одной области общественной и политической жизни Италии, которую они оставили бы без своего вмешательства. К началу прошлого года стало ясно, что, несмотря на незначительное число депутатов, которым они по сравнению с социалистами располагали в парламенте, фашисты стремятся к тому, чтобы сделаться правительственной партией. Любопытно, что в прошлом году наша делегация, прибывшая на Генуэзскую конференцию, получила присланную ей Центральным Комитетом фашистов резолюцию, гласившую о том, что фашисты постановили, учитывая все значение возобновления торговых сношений с Россией, не препятствовать деятельности нашей делегации, при условии, что она не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь страны. И действительно, за исключением одного случая, не имевшего прямого отношения к деятельности нашей делегации, фашисты исполнили свое слово и никаких неприятностей делегации не причинили. Это свидетельствовало, несомненно, о том, что в то время дисциплина в рядах партии фашистов стояла настолько высоко, что никакие самочинные выступления против делегации не могли иметь места.

Какую же роль играла в описываемое время итальянское правительство? Во главе его стоял Факта, бесцветная личность, один из наименее способных учеников старого интригана и прожженного парламентского дельца, Джиолитти. Факта гордился тем, что он не принадлежит ни к какой партии и якобы отнюдь не является врагом рабочего класса. Этот маленький человек силился сохранить свою политическую карьеру тем путем, что избегал всегда каких-либо ответственных заявлений. Об этом легче всего судить по его поведению на Генуэзской конференции, где он за все время не произнес ни одного слова, которое в каком-либо отношении могло бы связать итальянское правительство. С одной стороны, ему удалось не прогневать Антанты, по отношению к которой он вел себя достаточно рабски, но не произнес и ни одного

враждебного слова по отношению к Советской России. Приходится только удивляться безграничной глупости (или цинизму) тех деятелей реформистского социализма в Италии, которые в самый разгар фашистского движения мечтали о вступлении в блок с правительством бесцветного и ничтожного Факта. Кажется, и слепому было ясно, что „нейтрализует“ кабинета в борьбе между фашистами и рабочим классом в Италии выливался все более и более в форму скрытого пособничества первым. На глазах этого жалкого правительства происходили громадные бои между фашистами и беззащитным мирным населением тех городов, которые имели несчастье попасть к ним в опалу. Правительство совершенно бездействовало. Оно говорило: „Это дерутся между собой красные и черные—не будем вмешиваться в их борьбу“, и оно отдавало приказ войскам не вмешиваться в тех случаях, если превосходство окажется на стороне фашистов и... оказывать помощь фашистам, если они сами не смогут справиться с провинившимся перед ними населением города или деревни. Так было, напр., в Анконе, где население, правда, руководимое анархистами и красными ударниками, в течение нескольких дней вело бои на улицах города с фашистами. В Анконе в то время был расположен целый полк берсальеров. Командир полка получил приказ на первых порах не вмешиваться. Однако, когда красные стали одолевать фашистов, берсальеры и карабинеры вмешались и решили дело в пользу фашистов.

Это жалкое правительство, во главе с марионеткой Факта, бесстрастно наблюдало, как фашисты всевозможными принудительными мерами заставляли уходить в отставку социалистических мэров. Фашисты открыто хвастали, что за последние полтора года им удалось путем избиения и всяких других форм надругательства заставить сложить свои полномочия свыше пятисот мэров-социалистов. Если в каком-нибудь городе социалистический общинный совет отказывался подать в отставку, фашисты, концентрируя в данной местности значительные военные силы, брали приступом данный город (иногда даже несколько городов сряду), врываются силой в помещение муниципального совета, револьверами и дубинками разгоняли муниципальных советников, на место которых

назначали своих. И хотя такие случаи насчитывались десятками и сотнями, нам не известен ни один случай привлечения к ответственности виновников этих военных походов.

И с этим правительством жалкие болтуны из стана реформистов стремились вступить в сотрудничество, хотя было ясно, что Факта и его коллеги готовы сдать власть в руки Муссолини. Никакие комедии, проделанные им в целях отвлечения в сторону общественного внимания, не могут поколебать нашего убеждения в этом. А между тем, с своей неустанной проповедью позорной коалиции с Факта реформистам удалось усыпить еще больше бдительность рабочего класса и внести разброд в ряды тех, кто только и мог бы противостоять наглým притязаниям черных банд Муссолини.

14. Черный „октябрь“.

Вместе с расцветом фашизма и распространением его влияния во всех концах Италии, он стал терять свои первоначальные черты романтического национализма. Разговоры о внешней политике, о необходимости пересмотров договоров в пользу и Италии, присоединении Фиуме и т. д., и т. д. становилось все меньше. Ренегаты от социализма уже откровенно ставили своей задачей закабаление трудящихся масс. Пути Муссолини и д'Анунцио разошлись. В то время, как д'Анунцио, желая подогреть угасавшее пламя патриотизма в широких массах, готов был пойти на всяческие заигрывания с рабочими организациями и синдикатами, Муссолини, очевидно, пришел к обратному убеждению, что националистические бредни, столь устаревшие в наше время непримиримой классово́й борьбы, могут лишь отвлечь фашистских молодцов от их непосредственной работы по „усмирению рабочего класса“.

С весны прошлого года почти вся деятельность фашистов направляется на подавление забастовочного движения, которого не могли остановить в Италии никакие репрессии. Расправы с отдельными мэрами, депутатами, социалистическими или коммунистическими депутатами не приносят фашистам полного удовлетворения. Они прилагают все усилия к тому, чтобы захватить влияние и в рабочей среде, и в некоторой мере

достигают успеха. Фашистские синдикаты, основным лозунгом которых вместо классовой борьбы является сотрудничество классов, растут с каждым днем. В некоторых отдельных случаях фашистские лидеры делают вид, что они готовы бороться за экономические завоевания рабочего класса. С этой целью они инсценируют ряд фашистских забастовок (особенно шумела забастовка, руководимая фашистами в Ферраре летом прошлого года), имеющих целью доказать, что фашистам не чужды классовые интересы рабочих. Но все это было лишь жалкой инсценировкой. В глазах фашистских лидеров, желтые синдикаты, организуемые ими, должны были явиться орудием анти-пролетарской борьбы, постоянными бюро штрейкбрехеров к услугам капиталистов и помещиков, субсидировавших эти синдикаты.

Конец июля прошлого года показался Муссолини удобным временем для того, чтобы предпринять окончательный поход против рабочего класса Италии и заставить его отказаться даже от права на самозащиту. Гнет фашизма, с одной стороны, локауты, безработица и все растущая дороговизна — с другой, побудили рабочий класс выйти из состояния инертности и попробовать резким выступлением добиться хоть некоторого улучшения своего невыносимого положения. К тому времени в рабочей среде становилась популярной идея единого фронта. Под именем „Союза труда“ была образована временная коалиция рабочих партий, в которую вошли социалисты, коммунисты, Всеобщая Конфедерация Труда, часть анархистов и республиканцев. Эта коалиция решила сначала предложить правительству Факта положить конец позорной безнаказанности фашистов и воздействовать на них в смысле прекращения фашистского террора. Правительство ответило уклончиво. Тогда Центральный Комитет Союза Труда постановил об‘явить всеобщую забастовку в Италии. Муссолини, узнав об этом решении, не нашел необходимым скрыть своей радости. В нем проснулась не только душа ренегата, но и опытного провокатора. Он сказал: „Пусть-ка они сделают забастовку! Это как раз то, что нам нужно. Мы нанесем им окончательный удар. Мы готовы“.

Об‘явление забастовки послужило началом гражданской войны, закончившейся победой фашизма. Несмотря на разгром

целого ряда рабочих организаций и ту панику, которая была внесена в рабочую среду фашистским террором, лучшие элементы революционеров Италии все же питали надежду, что им удастся успешно довести до конца забастовку. Эти надежды казались близкими к осуществлению в первые дни. Ненависть к фашистскому гнету зажгла энтузиазмом мужественные сердца передовых рабочих, которых фашистские преследования могли только закалить в борьбе. Были дни, когда казалось, что забастовочное движение охватит всю страну. Впервые за три с половиной года фашистского владычества революционеры могли, наконец, показать фашистам, что они не являются единственными хозяевами в стране. Но попрежнему реформистские вожди и плетущиеся за ними массы оказались для названного блока тяжелым баластом, потопившим судно.

Муссолини между тем тоже не дремал. Он решил во что бы то ни стало использовать эту схватку фашистов с рабочим классом для того, чтобы установить в Италии фашистскую диктатуру, и принялся за подавление забастовки всеми находившимися в его распоряжении средствами. Прежде всего фашисты, вместе с их ближайшими союзниками — националистами, обратились с воззванием к государственным служащим и рабочим, в котором призывали их „сбросить с своей шеи это политиканов“, по мнению фашистов, занимавшихся эксплоатацией масс в свою пользу. В этом же воззвании они обращаются к правительству, которому дают сорок восемь часов для приведения в повиновение „тех, кто пытается разрушить самое существование нации“. Далее, они заявляли, что если правительство не выполнит своего долга, „фашисты займут место государства, бессилие которого будет лишней раз доказано“. В своей речи, произнесенной в городе Сартано, Муссолини повторил то же самое: „Если правительство не прикончит забастовки, ее прикончат фашисты“.

Затем фашисты постарались связаться со всеми элементами рабочего класса, деморализованными их террором и готовыми играть штрейкбрехерскую роль. Разумеется, впереди всех предателей шли буржуазная молодежь, студенчество, юношеские организации фашистов и т. д., при помощи которых фашисты готовились заместить бастовавших на почте, телеграфе и железных дорогах. Они не оставляли неиспользованными

ни одного способа, при помощи которых можно было внести разброд и замешательство в рабочую среду. Несмотря на это, победу над забастовщиками фашистам удалось одержать лишь при помощи оружия. Если проследить историю этой борьбы по фашистским источникам, то можно вынести впечатление, будто фашисты совершили чудеса героизма. Никогда еще фашистская пресса не глала так безбожно, как в это время, никогда не сочиняла таких легенд об их мужестве. Так напр., их газеты глали, будто Анкону (город, который, на самом деле, является одной из цитаделей рабочего движения Италии) фашисты взяли приступом при помощи отряда в... 32 человека. На самом деле, по точным сведениям, фашистов выручил эшелон в 10 тысяч чернорубашечников, прибывших, при помощи правительства, из Болоньи и Перузы. В состав этого эшелона фашистов входили два наиболее прославившихся своими зверствами отряда под названием „Отчаянный“ и „Сатана“. В Милане, в первые три дня забастовки, рабочим удавалось оказывать им могущественное сопротивление, несмотря на то, что этот город является резиденцией самого Муссолини и потому, конечно, туда были брошены фашистами лучшие силы.

Когда на сторону фашистов открыто перешли правительственные войска и полиция, фашистам удалось разогнать миланский муниципальный совет, состоявший из социалистов, и водрузить трехцветное знамя на здании городской думы. Это было 3-го числа. 9-го августа фашисты овладели Генуэзским портом, где всегда пользовались безраздельным влиянием красные синдикаты моряков. Не героизм фашистов, которого не может быть у этих людей, привыкших всегда нападать в большинстве и преимущественно на безоружного противника, привели к победе Муссолини над забастовщиками, а плохо замаскированное пособничество правительства. Оно же привело его, в конце концов, к власти.

Между тем среди революционного блока рабочей партии разногласия все усиливались. Реформисты тянули всех в болото сотрудничества с явно-предательским кабинетом Факта. Дело кончилось тем, что находившаяся под их преимущественным влиянием Всеобщая Конфедерация Труда вышла из состава рабочего блока и тем сорвала забастовку.

На этот раз победа Муссолини необычайно подняла престиж партии фашистов в глазах тех, кому дорог временный успех силы. Ренегатство удесятерилось. Фашистские синдикаты стали разбухать от вновь прибывавших членов.

Парламент был терроризован успехами Муссолини, убедившись на практике в том, что за Муссолини стоит гораздо более реальная сила, чем правительство.

Муссолини не стал терять даром времени. Вместо того, чтобы обнаружить хотя бы малейшую благодарность по адресу Факта, обеспечившему ему успех над красными, Муссолини стал открыто требовать роспуска Палаты, которая, по его словам, „перестала уже представлять общественное мнение страны“. У Факта между тем не было никаких оснований надеяться на то, что новые выборы обеспечат правительству успех, поэтому он категорически отказал в этом требовании. Тогда Муссолини выступил с новым требованием. Он потребовал смены кабинета. В новом кабинете фашисты должны были получить несколько портфелей. Переговоры в этом направлении начались; они велись с Джиолитти, Саландра, Орландо, но не привели ни к каким положительным результатам.

Между тем наиболее горячие головы в фашистских рядах стали уверять более трезво настроенного Муссолини, что пришло удобное время для захвата государственной власти в руки фашистов целиком. Муссолини колебался. Успех карательной экспедиции фашистов в Трентино, где им удалось провести ряд мер, вопреки воле правительства, ободрил вождей фашизма настолько, что они начали открыто поговаривать о свержении кабинета Факта силой. По имеющимся сведениям, это решение было принято окончательно на тайном совещании вождей фашизма, имевшем место в Милане 6-го октября 1922 года под председательством самого Муссолини. Фашисты давно носились с мыслью „похода на Рим“. Эти слова стали любимым лозунгом фашистов. Его не всегда понимали в буквальном смысле. „Поход на Рим“ означал поход фашистской партии против расслабленного аппарата государственной власти, не сумевшего-де удержать на должной высоте национальный престиж Италии. На этот раз был решен поход на Рим в буквальном смысле этого слова. Разумеется,

фашисты—народ практический—предварительно заручились содействием видных начальников регулярной армии. Так, на секретном заседании 6-го октября было решено, что генералы Фарра и Чеккерини, наиболее популярные в итальянской армии, примут командование над двумя колоннами фашистской армии, которые двинутся на Рим различными путями. Маленький факт рисует однако, до какой степени к тому времени уже установилось тесное сотрудничество между фашистами и регулярной армией: так на этом же собрании было решено, что оба генерала отправятся в поход со всеми присвоенными им знаками отличия, однако прикрепленными не к военному мундиру, а к черным рубашкам. Все военные диспозиции были окончательно решены на специальном тайном совещании 15 октября, в котором участвовали виднейшие представители итальянского генералитета.

Между тем Муссолини поспешил использовать оставшееся до намеченного дня время в целях самой широкой пропаганды. 20-го сентября, в день национального праздника Италии, он выступил с пространной речью в Удине; в этой речи открыто заявил, что программа фашистов в настоящее время может быть изложена в четырех словах: „Мы хотим управлять страной“. Эта речь замечательна еще тем, что в ней Муссолини, сначала бывший социалист, затем бывший республиканец, открыто высказал себя приверженцем монархического начала. Правда, в этой же речи он весьма непочтительно, отозвался о слабости Савойской династии, так что можно было понять его речь в том смысле, что при соответствующих условиях он сам не прочь выступить конкурентом Виктора-Эммануила на Савойский престол. В этой же речи он заявил, что он раз навсегда отказывается от всякого преклонения перед массой, которая представляет собою не что иное, как сырую глину в руках художника-скульптора. Из этой глины скульптор может вылепить все, что ему вздумается. Он, Муссолини, и является тем гениальным художником, которому предстоит возвести великолепное здание „возрожденной“ Италии.

После его выступлений в Удине события пошли ускоренным темпом. В 20-х числах октября в Неаполе был назначен всеобщий фашистский конгресс. Муссолини отправился в

Неаполь, где перед конгрессом произвел смотр фашистским войскам, собравшимся в этом городе в количестве 40 тысяч человек. Фашистские газеты прибавляли, что в Неаполь по этому торжественному поводу съехалось еще 80 тысяч организованных рабочих-фашистов. При этом они не упоминают однако о том, что дело здесь было не столько в энтузиазме фашистов-рабочих, сколько в том, что правительство оказало огромную поддержку неаполитанскому конгрессу, разрешив всем участникам конгресса и смотра бесплатный проезд по железной дороге. Между тем эта проделка предателя Факта была своевременно разоблачена левой печатью.

В гостинице „Везувий“ в Неаполе состоялось историческое заседание фашистских главарей, решивших, что настало время вступить в переговоры с трусливым Факта по вопросу о передаче им власти в течение 48-и часов. Было решено также, что, в случае отрицательного ответа правительства, фашистские легионы немедленно будут двинуты на Рим.

Но старый конспиратор Муссолини, как это установлено теперь, не удовлетворился официальными постановлениями руководящих органов фашистской партии, а сорганизовал чрезвычайную „пятерку“, которая должна была взять на себя руководство „революционными“ действиями. Он предложил войти в состав этой пятерки д'Анунцио, но последний отказался. Тогда пятерка была образована из следующих лидеров фашизма: председатель—Муссолини, члены: генеральный секретарь фашистской партии Микеле Бианки, „вождь“ действующих сил Итало Бальбо, бывший морской офицер и отчаянный сорви-голова де-Векки и боевой генерал де-Боно. Кроме того, заместителем Боно, получившего неограниченные полномочия в качестве военного диктатора, был назначен один из крупнейших ренегатов от социализма, теоретик фашизма Дино Гранди.

26-го октября лидер правой части парламента бывший премьер Саландра, по поручению фашистских главарей, отправился к Факта потребовать от него выхода в отставку. После долгих колебаний Факта согласился на это, сохранив однако свои полномочия до сконструирования нового кабинета. Король, находившийся в то время в провинции, спешно вернулся в Рим. 27-го октября Муссолини прибыл в Рим, но

на его требование полной отставки кабинета правительство ответило отказом. Еще через сутки Муссолини отдал приказ о всеобщей мобилизации фашистских войск. Стратегическая сторона похода на Рим была разработана спешно образованным высшим военным советом фашистов, состоявшим из Бальбо, де-Боно и де-Векки. Мобилизация фашистов во всей Италии произошла в ночь на 27-ое октября и к утру была закончена. Со всех сторон фашисты начали продвигаться к столице, — где по железной дороге, где на грузовиках, а то и пешком. По словам фашистских газет, всегда значительно преувеличивающих военные силы фашистов, Рим оказался обложенным с трех сторон якобы 120 тысячами вооруженных фашистов. Но, несомненно, это число преувеличено, по крайней мере, в три раза. Левые газеты уверяли, что к моменту опереточного взятия столицы у ворот ее находилось не свыше 30-40 тысяч человек. При этом, те же газеты добавляли, что все фашисты, участвовавшие в походе на Рим, были, кроме принадлежавших им револьверов, еще вооружены и карабинами правительственного образца.

Все они были снабжены почему-то касками походного образца, тоже взятыми из военных складов. Главный штаб фашистов был организован членами пятерки де-Векки и Гранди в Перрузе, откуда они и руководили всем походом. Весь поход на Рим носил характер жалкой комедии. Во многих городах и местечках, по пути в Рим, фашистские военные отряды делали вид, что они берут с боя тот или иной город, то или иное местечко, хотя ни в одном пункте правительственные войска и карабинеры и не думали оказывать им какого-либо сопротивления. Правда, фашистская печать уверяла, что дело обошлось без кровопролития, ибо всюду регулярные войска и полиция братались с фашистами. По всей вероятности, дело было не в братании, а в каком-либо правительственном циркуляре или инструкции.

С другой стороны, правительство продолжало получать „тревожные“ вести. В ночь на 27-ое октября Факта был осенен наконец мыслью об'явить осадное положение во всей стране и в связи с этим отдал соответствующий приказ префектам городов и местечек. Историки фашистского переворота, пытающиеся представить его в виде настоящей рево-

люции, уверяют, что Факта не сомневался в солидарности с ним короля, однако Виктор - Эммануил, который, очевидно, решил, что фашисты являются единственной партией, могущей поднять еще престиж Савойского дома, отказался подписать

Король Италии Виктор-Эммануил (на первом плане) и глава итальянского правительства, он же коновод фашистского движения, Муссолини (рядом с королем) на параде фашистской армии.

декрет. При этом король якобы сослался на то, что декрет об осадном положении не сможет возыметь должного действия, так как Факта совершил ошибку, предварительно

сообщив содержание его префектам. Чтобы сохранить некоторую видимость сопротивления фашистам, правительство, после отказа короля провозгласить осадное положение, приняло несколько мер, которые даже настроенные дружелюбно к фашизму журналисты назвали детскими. Кое-где, впереди Рима, были устроены проволочные заграждения. У входа на некоторые мосты были поставлены конные стражники, совершенно беспомощные перед любой группой в 5 человек. Было также решено закрыть ворота Рима. Но все это, конечно, было жалкой комедией, ибо в то же самое время король, получив отказ от Саландра в ответ на предложение организовать кабинет, послал телеграфное предложение о том же Муссолини и даже отправил за ним в Чивито-Веккья два автомобиля из королевского гаража. И вот 30-го октября Муссолини в форме фашистского генерала, с миной грозного победителя на лице, явился в Квиринал, заявил королю, что он возвращает в его руки великую Италию и, по приглашению короля, в течение 6-ти часов сформировал новый кабинет.

Фашистский октябрь был завершен.

15. Муссолини у кормила правления.

Мы уделили столько места описанию фашистской „революции“ не потому, что считаем необходимым увековечить все эти детали для истории, а с единственной целью показать, какая огромная разница существует между фашистским и нашим русским Октябрем, хотя за последнее время и появилось немало досужих писаек, занимающихся сопоставлением не только русского и итальянского октября, но и вообще деятельности русских коммунистов и итальянских фашистов. Делать это сближение способны люди, для которых, очевидно, все значение переживаемых исторических событий определяется не их глубокой сущностью, а теми или иными внешними деталями, которые могут иногда совпадать в развитии глубоко противоположных исторических явлений. Досужие писаки уверяют, что полная аналогия между фашистским переворотом и русским Октябрем налицо. Фашисты и коммунисты, мол, одинаково пренебрегли „народной волей“ и пришли к власти силой оружия. Но это сопоставление

лживо и не выдерживает ни малейшей критики, даже если ограничиться обзором внешней стороны событий. Фашистский октябрь вообще не может быть причислен ни к политическим, ни к социальным революциям. И до пресловутого похода Муссолини на Рим власть в Италии принадлежала капиталистам и помещикам. Жалкая говорильня, которую представляла из себя итальянская палата депутатов, ровно ничего не меняла в подлинном соотношении сил. Наиболее воинственная часть буржуазии, возглавляемая фашистской партией, найдя однако, что эта говорильня в некоторой мере уменьшает ее привилегии и поддерживает в трудящихся массах иллюзию освобождения (только иллюзию!), учтя резкий поворот реакции, обозначившийся во всем мире в результате мировой войны, обессилившей рабочий класс, решила перейти к установлению в стране открытой формы капиталистической диктатуры. Именно поэтому в Италии никакой революции не произошло. Более трусливые элементы буржуазии добровольно передали свою власть в руки более решительных и наглых ее элементов. В этом смысл итальянского октября. Внешние детали переворота прекрасно характеризуют то состояние придавленности и запуганности масс, до которых они были доведены фашистскими экспериментами в течение первых трех с половиной лет деятельности чернорубашечников. В прямую противоположность итальянскому октябрю, русский Октябрь явился результатом героических усилий пролетариата, направленных к тому, чтобы сбросить с себя иго капиталистов и помещиков. Сходство лишь в одном: русский пролетариат прекрасно учел то обстоятельство, что всякие говорильни, вроде учредительного собрания и т. д., в руках буржуазии (если бы она осталась у власти) может служить лишь орудием ослепления трудящихся масс, создавая вредную иллюзию мирной соглашательской работы с той же буржуазией, как мнимого средства освобождения трудящихся масс.

Именно потому, что русская буржуазия, в союзе с русскими реформистами и соглашателями всяких окрасок, всячески стремилась к сохранению этой вреднейшей иллюзии, она об'явила трудящимся массам непримиримую борьбу в защиту говорилен, способных укрепить ее власть. Для

русских трудящихся масс Октябрь не был опереточным маскарадом. Об этом свидетельствуют реки крови, пролитой ими в борьбе за свое освобождение не только в октябрьские дни, но и во все последующие годы гражданской войны, в которой они имели против себя не одну лишь отечественную буржуазию, а весь черный капиталистический интернационал запада, вступившийся за обиженную и угнетенную русскую буржуазию.

Различие между русским и итальянским октябрём особенно красноречиво проявилось в том, как отнеслась к фашистскому перевороту буржуазия всех европейских стран. Русский Октябрь вызвал у Антанты одну лишь слепую ненависть, заставившую правительства Антанты организовать вмешательство в русские дела и оказывать всемирную поддержку русской белогвардейщине. Весть же о фашистском октябре наполнила сердца западно-европейских капиталистов глубокой радостью. После ряда блестящих атак мирового пролетариата на международный капитал, закончившихся в России победоносной революцией, это было первой передышкой для них, если не считать победы реакции в Венгрии и Баварии, где все же диктатура победившей буржуазии не носит столь полного характера, как в Италии. Фашистский октябрь осуществил мечты крайних элементов европейской реакции, жаждавших установления безраздельной диктатуры буржуазии над истощенным империалистской войной пролетариатом. По мысли этих элементов, фашистский октябрь неизбежно должен был посеять панику в рядах рабочего движения всего мира...

Вот почему правители Антанты ответили на телеграммы Муссолини, извещавшие их об образовании фашистского правительства в Италии, в самых изысканных выражениях. Вот почему федеральный совет самой отвратительной из всех мещанских республик мира—Швейцарии— в свое время изгнавшей Муссолини из пределов республики, за „опасную“ социалистическую пропаганду, поспешил теперь послать Муссолини приветственную телеграмму с извещением о том, что декрет об его изгнании аннулирован и что республиканские власти с удовольствием примут на своей территории итальянского премьера, как дорогого и именитого гостя.

Вот почему к судьбе фашистского правительства в Италии с одинаково напряженным вниманием присматриваются обе стороны: мировая буржуазия, которая видит в нем свою путеводную звезду, „опытное поле“ неограниченной буржуазной диктатуры, и мировой пролетариат, испытывающий чувство глубокой ненависти к жалким ренегатам и изменникам рабочего класса из числа бывших социалистов, попытавшихся набросить на шею трудящихся масс Италии ярмо средневекового рабства. Для этих трудящихся масс путеводной звездой служит Советская Россия, в которой пролетариат, несмотря на все выпавшие на его долю неслыханные муки и лишения, сбросил с себя это ярмо.

Все остальное, что проделано было фашистским правительством за последние 8 месяцев, только подтверждает верность сказанного. Каждый шаг нового кабинета отмечен преданностью интересам имущих классов и мстительной ненавистью к трудящимся массам. Муссолини, построивший теорию фашизма на том, что впереди интересов классовой борьбы должны стоять интересы нации в целом, всей своей восьмимесячной деятельностью в качестве премьер-министра блестяще доказал, что и это положение оказалось стеснительным для его партии. Впереди интересов классовой борьбы пролетариата для фашистов оказались даже не интересы нации в целом, а интересы только части этой нации, а именно привилегированных классов.

Характерной страничкой в деятельности фашистского кабинета явилась расправа Муссолини с тем самым итальянским национализмом, на который он так умело опирался в первый период существования фашистской партии. Даже итальянские националисты оказались для него слишком стеснительными попутчиками, ибо своим призывом к осуществлению „великих национальных задач“ Италии они отвлекли внимание примыкавших к ним масс от непосредственной классовой борьбы, направленной против пролетариата. Разрыв с д'Анунцио и фиуманскими легионерами был делом нескольких дней и повел к арестам и всяческим преследованиям, обрушившимся внезапно на голову вчерашних союзников Муссолини. В области внешней политики Муссолини вообще поспешил отказаться от всех тех векселей, которые

он выдал еще в качестве фашистского агитатора. Так, произнес в своей первой премьерской речи несколько холодных слов по адресу Антанты, повинной в унижениях Италии, этот искусный демагог на самом деле поспешил уладить свои отношения с правительствами Франции и Англии. Всю свою внешнюю политику в Европе Муссолини строит сейчас на непрерывном лавировании между английской и французской политикой. Ни в одном из вопросов, особенно волнующих в данный момент Европу, Муссолини до сих пор не решился занять определенной позиции, — даже в рурском конфликте. Этот отчаянный забияка, до сих пор всегда обвинявший прежние правительства Италии в том, что они идут на поводу Антанты и не решаются вести смелой национальной политики во внешних делах, как только стал премьером, нашел достаточно смиренные слова. Так, в речи, произнесенной Муссолини в сенате 16-го февраля, в связи с ратификацией международной Вашингтонской конвенции и Санта-Маргаритского соглашения между Италией и Югославией, Муссолини, коснувшись слухов о том, что итальянское правительство намерено выступить в качестве посредника в рурском конфликте, между прочим сказал: „Дипломатия всего мира, в том числе и большевистская, сохраняет выдержку и осторожность, продиктованную мнительностью. Я не вижу никаких оснований для итальянской дипломатии в этом отношении отличаться от других; если бы у нас были солидные угольные залежки, если бы мы удовлетворительным образом разрешили вопрос о сырье, если бы в нашем распоряжении были значительные запасы золота для того, чтобы удержать на известном уровне стоимость наших бумажных денег, мы могли бы следовать какой-нибудь определенной политике и, может быть, даже политике великодушия по отношению к Германии. На самом деле всего этого нет ¹⁾. Италия поэтому не может совершенно уклониться от участия в рурских делах. В таких случаях лучше всегда быть налицо, ибо иногда самые сложные вопросы получают вдруг разрешение“. Что же касается вопроса о возможном посредничестве Италии в рурском конфликте, Муссолини

¹⁾ Курсив паш.

заявил: „Если бы ответственные элементы какого-нибудь правительства и в первую голову правительств, непосредственно заинтересованных в рурских событиях, обратились с соответствующими предложениями к Италии, единственной стране во всем мире, преследующей в настоящий момент истинно-мирную политику, я ни на минуту не поколебался бы принять предложение“.

Вождь фашистов Муссолини, „единственный премьер в мире, ведущий мирную политику“, — недурная карриатура одновременно и на него самого, в качестве лидера партии фашистов, ведшего неустанную агитацию в пользу непримиримой политики Италии, и на союзы ему правительства Антанты, на всех перекрестках кричавшие о своей преданности делу мира.

Впрочем, не надо забывать, что эта речь была произнесена Муссолини 16-го февраля 1923 года, т.е. на четвертый месяц после захвата им власти. В своих первых речах диктатор Италии не задумывался ни над отсутствием сырья, залежей угля и т. д. Если обратиться к его первым речам, произнесенным в парламенте, то мы в них помимо откровенного обещания согнуть в бараний рог всякую оппозицию в стране, найдем еще всяческие предсказания о том, что фашистское правительство превратит Италию в обетованную землю. В феврале фашистский премьер, как мы видим, обеспокоен отсутствием солидных золотых запасов в казначействе, которые могли бы удержать на известном уровне бумажную итальянскую лиру. В октябрьских речах Муссолини на этот счет нет никаких сомнений. Он прямо заявлял, что одним из ближайших благодеяний фашистского правления явится поднятие курса итальянской лиры.

Раньше однако, чем перейти к рассмотрению первоначальных обещаний Муссолини и того, что из этих обещаний получилось, закончим обзор внешней политики фашистского кабинета. Все разговоры праздных писаков о том, что Муссолини удалось поднять на должную высоту внешний престиж Италии, решительно ни на чем не основаны. Италия по-прежнему остается великой державой только на бумаге. Сферы влияния во всем мире поделили между собой Англия, Франция и Америка. Военственные планы по отношению

к Югославии, осуществления которых европейская пресса так опасалась в первые дни фашистского правления, оказались блефом. Все соглашения, на ратификации которых настаивала Югославия, были в свое время подписаны Муссолини, при чем такая позиция по отношению к Югославии включала в себе и полный отказ от пресловутых притязаний на Фиуме и Адриатику. В греко-турецком споре Муссолини тоже не сказал ни одного решительного слова, если не считать... его предложения, обращенного к смирнским властям, передать Италии концессию на поставку живой рабочей силы для восстановления разрушенного города. Таковы жалкие результаты „великой итальянской политики“.

Впрочем, Муссолини в своих интервью, на которые он не скупится, поспешил оправдать свою уступчивость в области внешней политики следующим мало убедительным аргументом: „Не надо забывать,—сказал отец и лидер фашизма,— что я не только лидер партии, но и премьер. В качестве лидера фашистов я отношусь отрицательно к этим договорам и считаю ратификацию их нелепой. Но, в качестве премьера, я вынужден пойти на это“. В этих словах, как нельзя лучше, сказалась беспринципность и изворотливость Муссолини.

В области внутренней политики первый сложный вопрос, вставший перед Муссолини, был вопрос о взаимоотношении с другими партиями. Что касается коммунистов, максималистов и анархистов, Муссолини об'явил им всем беспощадную войну. Их печать была ликвидирована: на членов революционных организаций, как из рога изобилия, посыпались всевозможные репрессии легального и полуполигального характера. Правительство арестовывает их и гноит по тюрьмам, разгоняет собрания и т. д., а фашистская вольница, действия которой стали теперь окончательно безнаказанными, довершает дело правительства самочинными репрессиями, избиваниями, насильственным вливанием касторового масла и всеми прочими мерами, которыми они заслужили славу итальянских опричников.

Что касается соглашателей и реформистов, то из их среды только Ф. Туратти решился выступить в Палате с оппозиционной речью против новоявленного диктатора. Несмотря на отдельные смелые выпады против Муссолини

и его партии, содержащиеся в ней, в общем ответ Туратти на правительственную декларацию носит весьма сомнительный характер. Она не только не дышит решимостью вступить в активную борьбу с фашизмом, но красноречиво разоблачает всю изменническую тактику соглашательских партий. Так, в ней Туратти силился всячески доказать, что итальянские социалисты во время войны проявили достаточно патриотизма и никогда не уступят монополии на него фашистам. Эта речь Туратти имела большое символическое значение. Она как бы хоронила перед глазами рабочих масс старый соглашательский социализм, который в своей борьбе против фашизма располагает лишь заржавевшим и никуда негодным оружием демократии и буржуазного парламентаризма. В защиту этого оружия Туратти произнес несколько жалких слов, вызвавших со стороны фашистов только ряд иронических замечаний и бранных слов. С тех пор прошло восемь месяцев, и так называемая унитарная партия, представителем которой является Туратти, продолжает играть ту же ничтожную роль в борьбе с фашизмом, эмблемой которой явились жалкие потуги Туратти противопоставить заявлениям Муссолини „неумирающие демократические принципы“.

Самые циничные элементы реформистов, в роде д'Арагона, в первый же момент фашистской победы попытались забежать с заднего крыльца к новому премьеру и предложить ему свое сотрудничество, но Муссолини—надо отдать ему справедливость—категорически отклонил всякие соглашения с реформистами. Он предоставил этим жалким предателям оказывать своим трусливым поведением помощь фашизму в деле усыпления рабочих масс, ничего не получая взамен.

Таким образом, из числа лиц, почему-то присвоивших себе в Италии право называться социалистами, Муссолини принял сотрудничество лишь незначительной группы, допотопной фракции „социальных демократов“, уже давно ровно ничего общего не имеющих даже с соглашательским социализмом. Итак, все усилия его должны быть направлены лишь на установление соглашения с другими буржуазными партиями. Мы не ставем здесь подробно проследживать всех стадий переговоров Муссолини с этими партиями. За эти восемь месяцев—надо все же признать—Муссо-

лини потратил не мало усилий на это дело, но все же никакими особенными успехами в этой области он похвастать не может.

Каковы же эти итоги?

Дело в том, что итальянская буржуазия великолепно учитывает, что Муссолини является верным и надежным защитником ее классовых интересов и, произведя октябрьскую революцию в Италии, лишь выполнил волю пославших его. Тем не менее, она не решается оказать ему полной поддержки. Эти партии не хотят, чтобы вчерашний наемный их слуга превратился в их хозяина. Между тем оказание открытой поддержки Муссолини в парламенте дало бы ему в руки все козыри. Это — одна причина; другая заключается в том, что у наиболее умных представителей буржуазии нет веры в то, что в наше время диктатура имущих классов может превратиться в явление длительного характера. Эти партии приветствовали фашистский переворот, поскольку он внес разложение в рабочую среду, посеяв панику во всей Италии и, несомненно, задержав на известный промежуток времени развитие рабочего движения, но у них нет ни малейшего желания принять на себя всю ответственность за фашистские безобразия на случай, если пролетариат восстанет и победит. Энергичные усилия, направленные Муссолини в сторону достижения соглашения с буржуазными партиями, показывают, что и он великолепно учитывает значение такого соглашения.

Это было заметно с первого момента образования фашистского кабинета, которому Муссолини отнюдь не хотел придавать однородного характера. В состав его ему удалось привлечь двух либералов, двух „полюяри“, одного члена социально-демократической партии и несколько националистов. С того момента Муссолини неустанно старался расширить базу своего кабинета путем соглашения с другими партиями. Однако из этого ничего не вышло до сих пор. Единственная партия, с которой ему удалось окончательно связать судьбу фашизма, это — партия так называемых „голубых рубашек“, партия националистов, с которыми Муссолини давно связывают узы товарищества. Националисты, хотя и являются родными братьями по духу фашистам, отделя-

лись все же от них некоторыми теоретическими разногласиями. Так, например, националисты, в противоположность фашистам, придавали огромное значение покровительственной политике правительства, направленной на поддержание чахоточной итальянской промышленности. Фашисты же на первых порах своего существования, как партии, поддерживали аграриев в их соперничестве с представителями индустрии. Были еще некоторые разногласия второстепенного характера по вопросам внешней политики. В своих империалистских стремлениях националисты шли несколько дальше фашистов. Но всегда была область, в которой обе почтенные партии мирно уживались и работали дружно: именно в борьбе против трудящихся масс Италии у них не бывало споров. И те и другие признают одинаковые формы борьбы: дубинками, поджогами, насилиями, издевательствами и т. д. Тем не менее, между голубыми и черными в отдельных местностях вспыхивали крупные столкновения, вызываемые по большей части личным соперничеством вождей на местах. Победа фашистов однако заставила националистов признать их превосходство. Вот почему националисты охотно оказывают поддержку правительству Муссолини и являются единственной партией, связавшей с ним свою судьбу. Но крупного политического значения этот факт не может иметь, во-первых, потому что и раньше, до заключения формального блока между фашистами и националистами, никто не проводил между ними серьезного различия, во-вторых, потому что националисты не пользуются большим влиянием в стране.

Наибольшие усилия Муссолини потратил на достижение сближения с либералами и влиятельной партией „популярной“. Однако ни с теми, ни с другими соглашения не достигнуто. Вожди либералов держатся по отношению к нему весьма уклончиво, отделившись в первые дни фашистской победы лишь формальным заявлением о том, что они будут поддерживать кабинет. И действительно, в критические минуты особенно серьезных голосований, либералы, как это показывали и недавние заседания Палаты, отдают свои голоса Муссолини, но в промежутках между весьма редкими сессиями Палаты их пресса ведет все же оппозиционную кампанию

против фашистского кабинета. За эти восемь месяцев между Муссолини и либералами было несколько крупных полемических схваток в печати. Дело доходило до крайнего ожесточения с обеих сторон. Особенное негодование со стороны старых итальянских либералов вызвала речь Муссолини, произнесенная им зимой этого года в помещении министерства финансов, в которой он заявил, что ничего не имел бы против того, если бы страна выразила свое согласие с фашистской политикой, но что если этого согласия не будет налицо, он так же спокойно будет продолжать править страной, как до сих пор.

Миланская газета правых либералов, „Корьере дела Сэра“, открывшая полемическую кампанию против Муссолини, подвергалась конфискации и сожжению со стороны фашистских организаций в целом ряде городов. Более ретивые из них требовали закрытия этой газеты, которая по существу является органом денежных мешков Милана, за то, что отстаивала „незыблемые“ конституционные принципы. Холодок, оставшийся в результате этой шумевшей политики, до сих пор проникает в отношения между либералами и фашистами.

Не лучше обстоит дело с „пополари“. Как мы уже упоминали, в первые дни фашистской победы хитрые „католики“ быстро переметнулись в лагерь победителей. Шли упорные разговоры о массовом вступлении „пополари“ в кабинет. Сам Муссолини сделал ряд шагов для сближения с народно-католической партией. Он довольно сурово расправился с итальянскими франк-массонами и сделал ряд существенных уступок в пользу религии,—но во главе „пополари“ стоит слишком провицательный политик и ловкий опортунист (дон-Стурцо) для того, чтобы он мог решиться связать судьбу своей партии с утлой ладьей фашистского кабинета. Все эти восемь месяцев „пополари“ искусно лавировали между ролями, то полуправительственной, то полуоппозиционной партии. В апреле, после партийного съезда „пополари“, на котором одержало верх течение партии, особенно противящееся сближению с фашистами, оба министра „пополари“ вышли в отставку, затем один из них опять вступил. В общем отношении с „пополари“ попрежнему остаются на мертвой точке.

В результате все попытки Муссолини сблизиться с какой-либо мощной буржуазной партией потерпели крах. Буржуазия всех политических оттенков и окрасок сплочивается и отдает свои голоса Муссолини только тогда, когда ставится общий вопрос о доверии кабинету. Во все же остальное время вся страна, в том числе и буржуазия, занимается молчаливым саботажем грозного фашистского правительства.

Популярности этого правительства в стране отнюдь не могли способствовать жалкие результаты, достигнутые Муссолини в области внутренней политики.

Подведем вкратце эти итоги.

На первом плане, разумеется, стояла финансовая политика нового правительства.

Муссолини и его министры с первого дня наметили следующие радикальные мероприятия в целях поднятия курса итальянской лиры и урегулирования бюджета: крайняя экономия государственных служб путем устранения возможно большего числа государственных служащих и рабочих, реформа налогового обложения, передача у быточных государственных предприятий (жел. дороги, почты, телеграфа и телефонов) в частные руки, привлечение иностранного капитала.

Что касается первого пункта финансовой программы, особенно в части сокращения государственного аппарата, фашистами, действительно, было кое-что сделано по той простой причине, что любое сокращение может быть произведено простым росчерком пера. Другое дело — какие последствия эта „крайняя экономия“ может иметь для общего благосостояния данной страны. В Италии это сокращение отразилось главным образом на рабочих и служащих мелкого калибра. Крупные чиновники под сенью фашизма благоденствуют. Зато низшие, особенно те, кто провинился так или иначе в политическом отношении или просто попал под подозрение, как социалист, изгоняются самым беспощадным образом. Большое недовольство эта мера вызвала среди железнодорожников, ибо из их числа пострадали очень многие, в том числе и фашисты. Сокращение происходило чисто механически. У фашистского министра финансов была одна задача: показать, что в этой области им кое-что сделано. И действительно, сокращение служащих и рабочих государ-

ственных предприятий достигло необычайной пропорции. Надо сказать, что к этому присоединилось еще одно мероприятие, которое крайне болезненно отразилось на положении не столько городских, сколько сельско-хозяйственных рабочих. Прежние правительства боролись с безработицей путем организаций за счет казны так называемых общественных работ. Фашистская партия еще при прежних правительствах относилась враждебно к этому мероприятию, так как наличие общественных работ мешало безграничной эксплуатации батраков со стороны помещиков. Идеологи штрейкбрехерства не могли примириться с этим. Они обвиняли всегда правительства, организующие общественные работы, в том, что они идут на поводу у социалистов, всегда настаивавших на расширении этих работ. Достигши власти, они первым делом начали проводить экономию государственных расходов с сокращения общественных работ, что, конечно, не особенно способствовало увеличению их популярности в стране.

Фашистское правительство сократило несколько комиссий экспертов, состоявших при различных министерствах, объединило несколько ведомств вместе, запретило строжайшим образом служащим и рабочим опаздывать на занятия и т. д., и т. д. Но разумеется, все эти меры, вместе взятые, могли дать результаты только грошовой экономии. Они несколько не отразились на общей сумме государственных долгов Италии, ни на сумме процентов, которые по этим долгам приходится уплачивать ежегодно, и само собой понятно, что категорическое обещание Муссолини поднять курс итальянской лиры попрежнему висит в воздухе.

Вопрос о передаче железных дорог, почты и телеграфа в частные руки, конечно, свидетельствует о крайней преданности Муссолини интересам частного капитализма, но все-же самая передача вызвала ожесточенную оппозицию в стране. Многие из людей даже близких фашистскому правительству до сих пор высказываются против этой меры. Они рассуждают так: „Частные лица или акционерные компании, несмотря на весь свой патриотизм, вряд ли возьмут на себя эксплуатацию убыточных предприятий, а если возьмут, то поставят при этом такие условия, которые вряд ли принесут прибыль казне. Отдавать же частным лицам те предприятия,

которые при известном внимании к ним со стороны правительства могут оказаться доходными, значит отнимать у казны единственно верные источники дохода“.

Муссолини не скушится и на другие смелые шаги, которые однако тоже встречают резкую оппозицию даже среди лиц близких к нему. Последняя затея диктатора выразилась в желании поддержать путем правительственной субсидии одно из крупнейших металлургических предприятий Италии „Ансальдо“, во время войны развившее лихорадочную деятельность, благодаря военным заказам, а затем обанкротившееся. Банкротство этой фирмы в свою очередь явилось главной причиной прекращения платежей известным „Учетным банком“. Дело в том, что этот „Учетный банк“ был проводником влияния в Италии частного французского капитала, и циркулируют слухи о том, что с первого дня существования фашистской партии она в значительной мере субсидировалась этим банком. Таким образом затея Муссолини явилась желанием выказать благодарность своим покровителям за счет народных средств. Итальянская и французская печать уделили много внимания этой затее. Продажная пресса, в связи с этим проектом, подняла с обеих сторон кампанию в пользу необходимости сближения французского и итальянского капиталов и возрождения этим путем умирающей Антанты. Пока и эта затея ни к чему не привела, так как вызвала большую оппозицию в стране.

Реформа налогового обложения давно входила в планы фашистов. Наемники буржуазии, они все время беспокоились о том, что буржуазия платит слишком много налогов, а трудящиеся классы уклоняются от платежа их. С первого дня пребывания у власти фашисты заявили, что они добьются „уровня“ в этом вопросе. Они разглагольствовали на ту тему, что этого уравнивания требует патриотическое чувство каждого гражданина: каждый итальянец должен чувствовать это желание прийти на помощь государству. Разговоры о пропорциональном обложении, прогрессивном подоходном налоге и т. д. — все это пустые и ненужные бредни социалистов. И фашисты поспешили отменить всякое начало пропорциональности налогового обложения. То, что с таким трудом пытаются провести в жизнь французское правительство, фаши-

сты провели единым духом, а именно: поспешили ввести налог с заработной платы рабочих и служащих. Это—единственное конкретное „благоденствие“, которого дождались трудящиеся массы Италии от фашизма.

Что касается привлечения иностранного капитала в Италию, похвастать большими усилиями в этой области фашисты не могут. В наши дни иностранный капитал стал достаточно трусливым; его нельзя привлечь в страну, в которой гражданская война находится в полном разгаре. Если вы подойдете в Италии близко к помещению местной фашистской связки, вы прочтете на ней надпись: „Вход воспрещается под страхом смерти“. Если таковы взаимоотношения правительственной партии и населения, если в стране не прекращается террор не только по отношению к враждебным политическим партиям, но и к мирному населению, если банды погромщиков наводят панику на города и села, если даже фашистского депутата (Мизури) избивают на другой день после произнесения им оппозиционной речи в Палате,— в такой стране трудно говорить о мирной промышленной деятельности и о возрождении страны. Западно-европейские капиталисты, охотно приветствовавшие эксперимент Муссолини, который по их мнению должен был сбить спесь с зарвавшегося рабочего класса, все-же отнюдь не могут считать эту страну, в которой клокочет недовольство широких трудящихся масс деспотической политикой правительства, удобным местом для помещения своих капиталов. „Если Муссолини продержится у власти несколько лет,— рассуждают они,— и если ему удастся своими драконовскими мерами поднять экономическую мощь страны, тогда, пожалуй, Италия явится таким местом“. До тех же пор они предпочитают занимать выжидательную позицию вместе со всем остальным миром, который с неослабным вниманием следит за тем, что получится из эксперимента Муссолини.

Даже та грошевая экономия, которой Муссолини добился всеми изложенными мерами, не могла облегчить государственной казны, ибо налицо осталась область, которой в соображении экономии не коснулись. Мы имеем в виду военное ведомство. Правда, Муссолини произвел некоторое сокращение в составе вооруженных сил Италии, но за счет этих сокра-

щений он произвел крупные расходы в других отраслях военного ведомства. Когда Муссолини стал премьером, он первым делом устремил свое внимание на так называемую королевскую гвардию, исполнявшую полицейские функции и учрежденную еще при министерстве Нитти, которой он имел основание не доверять. Муссолини пришлось проявить много смелости в деле ликвидации королевской гвардии. Она представляла в Италии такую вольницу, которая не очень склонна была подчиниться приказу об ее упразднении. Муссолини издал декрет о сокращении до минимума состава этой гвардии и о насильственном слиянии ее с карабинерами (регулярная полиция). Ответом со стороны королевской гвардии был ряд вспыхнувших бунтов в отдельных казармах и т. д. Однако с ними Муссолини расправился так же бесцеремонно, как и со своими вчерашними друзьями—фиуманскими легионерами. Далее Муссолини провел целый ряд реформ в своей фашистской милиции. Реформы эти были направлены к тому, чтобы влить состав этой фашистской милиции в ряды действующей армии и тем обеспечить своим ставленникам преобладающее значение в ней. Военная организация фашистов за это время значительно увеличена. Теперь для каждого фашиста состоять в рядах милиции стало обязательным¹). Так как фашистская партия открыто существует за счет правительственных сумм, ясно, что все достигнутые им в других областях грошевые экономии уходят теперь на усиление военной мощи фашистов. Обеспечив фашизму преобладающее влияние в регулярной армии, Муссолини принял ряд мер к увеличению боеспособности последней. Срок службы в Италии увеличен теперь до 18-ти месяцев, что сразу увеличивает численный состав армии. Муссолини также значительно увеличил итальянскую артил-

1) Вопрос о численности фашистской армии всегда вызывал много споров не только в итальянской, но и в иностранной печати. Разумеется, фашистская пресса всегда старалась раздуть до невероятных размеров, а стратеги из фашистского генерального штаба—скрыть истинные цифры. Накануне фашистского переворота, летом прошлого года, фашистская пресса уверяла, что в рядах фашистской милиции имеется свыше 500.000 чел. На самом деле, вряд ли у фашистов все-же было больше войска, чем у правительства, которое располагало в Италии 200.000 штыков. Фашисты умеют быстро перебрасывать свои силы из одного конца страны в другой. Это и создавало импонирующее значение ей. Возможно, что теперь, в результате обязательного включения всех членов партии в милицию, число вооруженных фашистов достигнет 300-400 тыс. чел.

лерию и особенно авиационный корпус. Если он не может добиться для Италии места в ряду великих держав, он несомненно поставил своей целью импонировать численностью и вооружением итальянской армии государствам Малой Антанты. Заметное брожение, продолжающееся в стране, все время держит фашистский кабинет в неослабном напряжении. Мечта Муссолини расправиться одним ударом с итальянской конституцией до сих пор не осуществилась. Даже правые либералы отказали ему в своей поддержке в деле превращения Италии из парламентарной страны в самодержавную сатрапию. События 1-го мая, показавшие, что в итальянском рабочем классе еще жив дух сопротивления, заставил Муссолини несколько взять курс во внутренней политике влево. Была созвана парламентская сессия, во время которой фашистскому кабинету пришлось выслушать не мало горьких истин даже из уст депутатов соглашательских партий. Теперь Муссолини, очевидно, усомнился в том, что ему удастся править страной без парламента, и он усиленно занялся подготовкой проекта избирательной реформы. Правительственная реформа опирается на так называемую мажоритарную систему, которая, обеспечив большинство одной партии, целиком отдает в ее распоряжение партии, получившие меньшинство. Так как фашисты путем террора надеются это большинство получить, то можно ожидать, что влияние оппозиционных партий в новой палате будет равно нулю.

Само собой разумеется, что с первого дня вступления в ряды правительства Муссолини обратил свое благосклонное внимание на итальянскую школу и воспитание юношества. Этот предатель социализма и трудящихся масс, возведший лицемерие в принцип, ни одной минуты не поколебался выказать себя горячим сторонником религии. Муссолини прекрасно понимает, каким мощным орудием одурачивания рабочих масс является религия; вот почему все реформы в области образования и „восстановления престижа религии“ проводились по личной инициативе и при непосредственном участии этого ренегата. Чуть ли не на другой день после захвата власти фашистами, товарищ министра народного просвещения Луни разослал мэрам всех общин Италии следующий циркуляр:

„В течение последних лет изображение святого креста и портрет короля были удалены из многочисленных школ королевства. Этот факт представляет собою недопустимое впредь нарушение установленных правил и является одновременно оскорблением как господствующей в государстве религии, так и великого принципа объединения нации, воплощенного в личности августейшего короля.

Вследствие изложенного предписывается категорически всем общинным управлениям возвратить школьникам оба священных символа веры и национального чувства, которых они были насильственно лишены“.

А вот одна из поправок, внесенных лично Муссолини к предложению специальной комиссии, созданной при министерстве народного просвещения в целях „восстановления итальянской школы“.

„Наша система публичного воспитания, — говорит этот идеолог погромщиков, — должна прежде всего преследовать выработку моральных качеств и физических сил юношества. Фашизм должен проявить в этой области дух инициативы, чувство ответственности и свой культ и беспредельную преданность национальным и религиозным традициям. Фашизм должен бросить на эту работу все свои свободные силы“.

В газете „Корьере Делла Сэра“ от 27-го декабря помещено заявление министра народного просвещения Джентиле, в котором он говорит, что отныне религиозное начало будет положено в основу всей системы воспитания юношества, ибо „главной причиной замешательства умов, происшедшего в Италии, явился упадок религиозного воспитания“.

Если подумать о том подеме революционного движения, который охватил Италию в годы, непосредственно следовавшие за империалистской войной, о том необычайно быстром росте классового самосознания трудящихся масс Италии, который давал все основания надеяться на то, что итальянский крестьянин и рабочий первыми вслед за русскими сбросят иго эксплуатации, если вспомнить о том духе свободолюбия, который царил и в довоенной Италии, о том отвращении к религиозному дурману, который давно уже вырыл пропасть между трудящимися массами Италии и Ватиканом, этим всемирным оплотом одурачивания масс, и сопоставить со

всем этим „блага“, которые обещаны сейчас юному поколению Италии циркулярами министров-фашистов,—нам не трудно будет понять, какое черное предательство по отношению к трудящимся массам замыслили все эти ренегаты в роде Муссолини, Церболио и других, пытающиеся набросить среди бела дня покров ночи на цветущую, солнечную и всегда свободную Италию.

Будем надеяться однако, что злое дело это не удастся.

16. Международный фашизм и задачи революционной молодежи.

В этом порукой нам служит не только рост сознания и боевой готовности трудящихся масс всего мира, но и те существенные признаки разложения, которыми отмечен уже теперь фашизм в Италии, это „опытное поле“ капиталистической диктатуры.

Правда, итальянский премьер подействовал заразительно на целый ряд европейских стран. В крупных старых демократиях фашистские тенденции существовали, конечно, значительно раньше еще, чем в Италии, но в этих странах он продолжает маскировать себя той лощенной консерватизма. Так, во Франции реакция торжествует сейчас в значительно большей степени, чем в какой-либо другой европейской стране. Тем не менее, проявления его в формах родственных итальянскому фашизму, все-же сравнительно редки. Во Франции и в Англии буржуазия предпочитает выявлять свое господство над рабочим классом в легальных формах. Она совершает по отношению к трудящимся массам не меньше беззаконий, чем итальянская буржуазия, но предпочитает делать их под сурдинку. Более значительное распространение фашизма итальянского типа получил во второстепенных государствах, окончательно сформировавшихся после империалистской войны, как-то: Чехословакия, Польша, Румыния, Югославия, Финляндия и наши „лимитрофы“. Совершившийся на днях в Болгарии переворот привел к власти людей близких к фашистским кругам. Мы не упоминаем здесь о Венгрии, которая, как известно, после подавления в стране большевистской революции, стала очагом самого озверелого фашизма.

За последнее время фашизм сделал большие успехи и в другой части бывшей габсбургской монархии—в австрийской республике, где его насаждению энергично способствуют антантовские круги, мечтающие превратить Австрию в свою колонию. Германский фашизм значительно отличается от фашизма во всех остальных перечисленных странах, поскольку в нем тенденции к установлению буржуазной диктатуры перемешиваются с мотивами национального характера. Германский фашизм пытается направить свои удары в две стороны: против революционных элементов трудящегося класса и против антантовского капитала, стремящегося подчинить своей гегемонии германский капитал.

Несмотря однако на различные оттенки фашизма в отдельных европейских странах, нет никаких оснований сомневаться в том, что итальянский фашизм является показательной школой для реакционеров всего мира. Горячих сторонников фашисты Италии нашли себе даже в отдаленной Америке, где ряд разбойничьих организаций, открыто субсидируемых капиталистами, сеют террор и панику среди трудящихся масс. Эксперимент, произведенный Муссолини, т.е. захват государственной власти в руки фашистской партии, является пределом мечтаний всех фашистов в мире.

Если это так, то нельзя думать, чтобы сейчас при виде тех жалких достижений, которые фашизму удалось достигнуть в Италии, их мечты приняли особенно радужный характер.

Фашизм после 8-ми месяцев своего пребывания у власти в Италии переживает сейчас период если не разложения, то во всяком случае значительного упадка. Внешние причины неуспеха фашизма мы уже вкратце изложили в предыдущей главе. Остаются еще причины внутреннего характера, раздражающие партию на части. Только за несколько последних месяцев Муссолини лишился целого ряда своих крупнейших сподвижников. Так, из состава фашистской партии вышел Пьетро Горголини, автор книги о фашизме, которую Муссолини считает „лучшим произведением“, теоретически освещающим погромную деятельность его партии; отчаянный сорви-голова и самый неукротимый из всех фашистов, деятельный участник фашистского октября—де-Векки, вождь

неаполитанских головорезов Падовани. Только на днях с громадной обвинительной речью против правительства Муссолини выступил его сподвижник Мизури, „вычищенный“ из рядов фашистской партии. Именно этот Мизури подвел печальные итоги 8-месячному хозяйничанию фашистов в Италии. В этой речи он жаловался на губительную деятельность для страны одного из выдающихся диктаторов фашизма Бианки, генерального секретаря фашистской партии и... министра внутренних дел. В своей речи Мизури доказал, что гора родила мышь и ни одно из обещаний, данных Муссолини итальянскому народу, на деле не осуществилось. Речь Мизури встречена была крайним одобрением со стороны левых партий. Зато, как мы упоминали выше, и фашисты по заслугам оценили выступление своего бывшего единомышленника, а именно: подстергши его на другой день на улице, избili так основательно, что Мизури пришлось отправить в больницу. Этот оригинальный полемический прием, для фашистов, впрочем, ставший обычным, разумеется, несколько не может поколебать общих выводов его речи и хоть сколько-нибудь усилить уверенность в том, что фашизму удастся справиться с возложенным на себя бременем государственной власти. 17-го мая, дня через два после произнесенной Мизури обвинительной речи, с подобными же речами на заседании Палаты выступил ряд представителей других политических партий. Представители от рабочих пред'явили Правительству целый ряд тяжких обвинений. На этот раз, после первого выступления Мизури, набрались храбрости и реформисты, на которых история, несомненно, возложит огромную долю ответственности за временную победу фашистов в Италии. Выступавшие депутаты указали на критическое состояние общего финансового положения страны и на все увеличивающуюся трудность условий, в которых приходится существовать рабочему классу Италии. Все меры, принятые до сих пор фашистским правительством, ничего кроме ухудшения положения рабочего класса в Италии не дали. Как за якорь спасения Муссолини ухватился за старые итальянские средства, а именно: экспорт рабочей силы за границу, т.-е. за усиление эмиграции, но и в этой области правительством сделано очень мало, не говоря уже о том, что не было никакого смысла делать

революцию и провозглашать новую эру в истории итальянского народа с тем, чтобы единственным средством разрешения экономического кризиса, переживаемого страной, явилась все та же эмиграция.

Последние смелые выступления против фашистского кабинета являются отражением крайнего разброда, обозначившегося в фашистских организациях на местах. Склока и непрекращающиеся взаимные обвинения среди членов местных организаций уже вызвали грозный оклик Муссолини, в котором он признался, что ссоры между фашистами доставляют ему гораздо больше хлопот, чем борьба с враждебными политическими партиями. Центральный комитет фашистской партии все время занят рассылкой следственных комиссий на места с целью разбора возникающих тяжб и интриг. В партии обозначилась борьба между старыми, убежденными погромщиками и теми, кто примкнул к фашизму за последнее время. Разложение, наблюдающееся в рядах фашистской партии, совпало с целым рядом местных восстаний против фашистского правительства. В момент, когда пишутся эти строки, в Сицилии еще не закончились массовые бои между восставшим населением и карательными экспедициями, посланными туда правительством, вспыхнувшие две недели тому назад. Но Сицилия — отнюдь не единственная область, где трудящиеся массы восстали против непрошенных благодетелей.

На плечи революционной молодежи, несомненно, выпадает в наши дни главное бремя борьбы с фашизмом. Лидеры фашистского движения прекрасно учли исключительную роль молодежи в революционном движении, и потому с первых дней существования фашистской партии устремили главные усилия на вербовку юных членов.

Они постарались превратить в цитадель своего влияния начальные школы, гимназии, университеты и прибрать к рукам все дело воспитания юношества в целом.

В изучении фашизма и тактики его вождей революционная молодежь должна черпать материал для постановки работы среди своих товарищей. Фашизм исчерпал до конца все методы воздействия на умы юного поколения. Наши

враги оказывают нам незаменимую услугу, подчеркивая те области, на которые должна быть направлена наша работа. Если для нас и раньше ясно было, что религия является главным одурманивающим средством в руках имущих классов, то теперь итальянские фашисты показали нам, что дело капиталистической реставрации даже в наши дни, когда атеизмом пропитаны верхи не только крупной, но и мелкой буржуазии, начинается с усиления религиозного воспитания. Пропагандисты из рядов нашей молодежи должны использовать в своей работе этот пример. В противоположность фашистам они должны во главу угла своей работы поставить раскрепощение юных умов от религиозного мракобесия и суеверия, которое могло достаться им в наследство от одурманенных религией родителей.

Внимательное изучение фашизма в различных европейских странах должно послужить вторым орудием их пропагандистской работы. Большинство фашистских теоретиков всегда скрывает истинную сущность фашистской идеологии, уверяя, что фашизм явился лишь реакцией против материалистического понимания истории. Фашистские деятели предпочитают проделывать свое темное дело закрепощения трудящихся масс под покровом высокопарных фраз о возрождении отечества, идеи нации, возвышенной классической морали и пр. дребедени. Анализ деятельности фашистов различных стран должен убедить революционную молодежь в том, что идеалистическая философия, как это почти всегда бывало в истории развития человеческого общества, служит лишь праздничным, одеянием для самой отвратительной реакции. Наши юные пропагандисты должны разоблачать этот покров идеалистической философии перед глазами своих слушателей и показать, что за этим покровом ничего кроме огромной деятельности, стремящейся к закабалению трудящихся, нет.

Фашисты (особенно итальянские) очень любят распространяться на тему о том, что их дело победило, благодаря необычайной самоотверженности и личному мужеству фашистской молодежи. Нельзя отрицать того, что и в лагере самой омерзительной реакции могут найтись отдельные лица, способные в своем ослеплении реакционными идеями проявить личный героизм и презрение к смерти. История знает тому

не мало примеров. Шарлотта Кордэ, убившая Марата, несомненно проявила большое мужество. Но такие примеры героизма не могут снять позорной печати со всего фашистского движения в целом.

Воспитанные в духе палочной дисциплины, преклонения перед нелепой абстракцией, которой в глазах каждого мало-мальски сознательного человека теперь является „нация“, впитывающие в себя с самого раннего возраста дух эгоизма и человеконенавистничества, свойственные капиталистическому обществу вообще, полные господского презрения к трудящимся массам—подростки и юноши, подпавшие под влияние фашизма, могут явиться только материалом, используемым в целях увековечения экономического неравенства и политического порабощения.

Дисциплина— в духе истинно товарищеской спайки— равенство прав и обязанностей, глубокая солидарность с трудящимися массами всего мира, ведущими мужественную борьбу со всем аппаратом современного капиталистического государства за свое освобождение, дух революционной взаимопомощи и готовность отдать свою жизнь за торжество социальной революции во всем мире—таковы основные черты организаций революционной молодежи, способной обеспечить победу над международным фашизмом.

Замечательно, что в первых массовых вспышках недовольства против тяжкого восьмимесячного господства победоносного фашизма в Италии руководящая роль принадлежит итальянской молодежи. Восстание сицилийского населения против фашистского правительства проходит пока еще под весьма смутными лозунгами. Курьезно, что в некоторых местах крестьяне, выведенные из терпения гнетом правительства Муссолини, двинулись на фашистов с возгласами: „Долой фашизм, да здравствует свобода, да здравствует король“.

Довольно странно должен чувствовать себя при получении этих известий глава нынешнего правительства Италии, именем короля прикрывший всю свою авантюру. По опыту русского революционного движения мы однако знаем, чего стоит показатель „лойялизм“ восставших крестьян. Ближайшими причинами восстания в Сицилии, по сведениям левой печати, является полная приостановка в Мессине, Реджио и др.

местностях юга, пострадавших от землетрясения, фашистским правительством общественных работ. Корреспондент „Аванти“ в номере от 24-го мая так характеризует положение трудящихся масс в Италии: „Безработица свирепствует повсюду, всюду население страдает от острого недоедания. Ломбарды не принимают больше в заклад вещей за исчерпанием своей наличности. Прачечные по несколько месяцев стоят без работы, ибо рабочие и крестьяне не могут отдавать в стирку последней смены белья“. Нетрудно понять, почему, несмотря на крайнюю неясность и запутанность лозунгов, выставленных стихийными вождями малограмотного сицилийского населения, движение проникнуто острой ненавистью к фашизму. Характерно, что в своем безграничном озлоблении против правительства Муссолини местное население, как это всегда бывает в таких случаях, потеряло всякий страх к фашизму.

В городах и местечках—рабочие, а в селах—крестьянская молодежь самоотверженно идут впереди восставших отрядов, весело распевая переделанный на свой лад гимн фашистской молодежи. Вместо

„Giovinezza, giovinezza,
Primavera di bellezza“...

восставшая крестьянская молодежь распевает:

„Mussolini è pupu di pezza,—
Tutto il fascio è una schifezza!“¹⁾

С глубокой верой в близкое банкротство фашизма мы присоединяемся к этому определению, родившемуся в недрах трудящихся масс Сицилии.

¹⁾ „Муссолини—тряпичная кукла,
А весь фашизм—одна мерзость!“

ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ И ИХ ОБЪЯСНЕНИЕ.

А.

- Абстрактный — Отвлеченный.
Авангард — Передовая, наиболее сознательная и выдержанная часть.
Авансцена — Часть сцены между занавесом и оркестром. Употребляется в смысле — впереди.
Альтернатива — Необходимость выбора между двумя выходами или вещами.
Аналогия — Сходство, подобие.
Антагонизм — Острая непримиримая вражда.
Антипод — Две противоположности.

Б.

- Баланс — Сводка счетов прихода и расхода.
Бастион — Часть главного крепостного вала, выдающегося вперед.
Берсальеры — Стрелки в итальянской армии.
Блок — Временное соглашение политических партий ради достижения какой-нибудь цели.
Бойкот — Прекращение всяких сношений.
Бюджет — Смета (распись) доходов и расходов.

В.

- Ватикан — Дворец папы (глава католической церкви) в Риме. Олицетворение католицизма.
Вилла — Дача.
Вульгарный — Грубый, невежественный.

Г.

- Гегемония — Политическое главенство, преобладание.

Д.

- Декларация — Всенародное торжественное объявление.
Деталь — Мелочь, подробность.
Джентльмен — „Благородный“ человек, принадлежащий к высшему обществу.
Джиолитти — Один из предшественников Муссолини на посту премьер-министра Италии.

Демагог — Человек, разжигаящий народные страсти для достижения политических целей.
Деспотический — Нисобузданно-самовластный.
Директивы — Направляющие указания.
Диспозиция — Приказ о расположении войск перед боем. План всего боя.
Догмат — Основное положение какого-либо учения, принимаемое без доказательств, как не подлежащее сомнению.
Драконовские меры — Меры, отличающиеся особенной жестокостью.

И.

Идеология — Система идей, выражающих основные мысли и стремления какой-нибудь группы или класса.
Иезунтский — Употребляется в смысле коварный, лукавый.
Иллюзия — Самообман чувств.
Импонировать — Внушать невольное почтение.
Индивидуалист — Сторонник индивидуализма—учения, считающего, что цель общества—развитие отдельной личности с подчинением ей интересов всего общества.
Инстанция — Последовательные ступени какого-либо учреждения (волость, уезд, губерния).
Инстинкт — Врожденное побуждение животных к безотчетным, но целесообразным действиям. Чутье. Бессознательное влечение.
Интервенция — Вмешательство силой оружия одного государства в дела другого.
Интервью — Беседа с каким-либо известным человеком, с целью опубликования в печати его мнения по данному вопросу.
Интрига — Приски, козни.

К.

Карриатура — Смешное изображение (преимущественно в рисунке) событий, лиц.
Квиринал — Дворец в Риме, в котором проживает король.
Классический — Образцовый, совершенный.
Комментарии — Пояснения.
Компетентный — Знающий, сведущий.
Компромисс — Соглашение.
Конвенция — Международный договор.
Кондотьер — Предводитель наемной дружины, служивший за деньги.
Консорциум — Союз банковских финансовых учреждений для совместной деятельности.
Конструировать — Строить, составлять.
Конфликт — Столкновение, спор.
Концентрировать — Сосредоточивать, сгущать.
Координировать — Объединять, согласовывать.

Л.

Латифундия — Обширные частновладельческие поместья.
Легион — Войсковая единица в древне-римской армии; отряд войска; множество.
Лира — Итальянская серебряная монета = 37¹/₂ к.
Лирический — Чувствительный, склонный к душевным излияниям.
Лицей — Учебное заведение для аристократической молодежи.

Локаут — Закрытие фабрик предпринимателей по соглашению между собой и увольнение рабочих с целью заставить их отказаться от выставленных ими требований.

Лойяльный — Держащийся в границах законности, верный существующему образу правления.

М.

Мелиорация — Улучшение в сельском хозяйстве, осушение болот, проведение дорог.

Миф — Народное предание о донисторических событиях, о божествах, вымысел.

Муниципалитет — Название городского управления в Западной Европе

Мэр — Городской голова.

О.

Орбита — Путь небесного тела. Втянуть в свою орбиту — втянуть в свой путь, в свое движение.

Оппозиция — Политическая борьба, направленная против правительственной политики.

Опричина — Политическая полиция, организованная Иваном Грозным для борьбы с боярской крамолой.

П.

Перипетия — Случайность, повлиявшая на ход событий.

Пессимизм — Наклонность видеть все в мрачном свете, взгляд на жизнь, как на беспрерывное страдание.

Платонический — Духовный, идеальный.

Популяризация — Цоятное для всех изложение трудных вещей.

Престиж — Авторитет.

Привилегия — Преимущество, льгота.

Проблема — Задача, требующая ответа.

Прогрессивный, подходящий, пропорциональный налог — Налог увеличивающийся по мере увеличения капитала, дохода. Чем больше капитал, тем больше налог.

Проект — Предположение. Предлагаемый, но не утвержденный закон.

Пропорция — Соразмерность, правильное отношение.

Протекторат — Покровительство, оказываемое сильной державой слабому государству, которое утрачивает при этом свою самостоятельность.

Протекционизм — Покровительство национальной промышленности и охрана ее от иностранного соперничества.

Р.

Радикальный — Коренный, решительный, стремящийся провести в жизнь свои убеждения полностью без всяких отступлений.

Ратификация — Утверждение верховной государственной властью международного договора.

Рахитический — Размятченный, разжиженный.

Реагировать — Отозваться на то или иное явление.

Ренегат — Отступник, изменивший своим прежним убеждениям и перешедший во вражеский лагерь.

Ресурсы — Вспомогательные средства.

Ретроспективный — Обращенный назад.

Роялист — Приверженец королевской власти.

С.

- Санкционировать** — Утверждать.
Синдикаты (рабочие) — Рабочие союзы, признающие классовую борьбу, но ведущие ее только на экономической почве.
Спилиня — Остров около Италии.
Скептический — Полный сомнения, недоверчивый.
Специфический — Свойственный исключительно одному какому-либо предмету, лицу, группе, классу.
Стадия — Степень в развитии.
Статут — Устав какого-либо общества.
Стратегия — Искусство располагать и передвигать войска на войне.
Структура — Строение, устройство.
Суб'ективный — Личный.
Суверенитет — Независимость государства.

Т.

- Тирада** — Длинная, растянутая, трескучая речь (фраза).
Тирания — Деспотическое, жестокое правление.
Традиция — Обычай, порядок, передающийся из поколения в поколение.

Ф.

- Фактор** — Действующая сила, благодаря которой происходит событие.
Фанфарон — Хвастун, бахвал.
Фехтование — Искусство драться холодным оружием: на шпагах, рапирах и т. п.
Филиальный — Составляющий часть чего-нибудь и подчиненный главному.
Фразеология — Пустословие.
Франк-массоны — „Вольные каменщики“ — тайное общество, возникшее в XIII в.

Ц.

- Центурион** — Начальник центурии (отряд в 100 чел.) в древнем Риме.
Цивилизация — Развитие общественного и гражданского строя, усовершенствование условий человеческого общежития.
Цитадель — Укрепление в древней крепости, служившее последним оплотом для осажденных.
Цитата — Дословная выдержка из речи, статьи и т. д.

Ш.

- Шедевр** — Образцовое произведение, верх искусства.

Э.

- Эволюция** — Постепенный, естественный переход от низшей формы к высшей.
Эмблема — Значок, олицетворяющий какое-либо отвлеченное понятие.
Эмигрировать — переселяться в другую страну.
Экзекуция — Телесное наказание, приводимое в исполнение по приговору суда.
Экспедиция — 1) Путешествие, организованное с научной целью, 2) отправление войск с карательной целью.
Эксперимент — Опыт, испытание.
Эксперт — Спец, сведущее лицо, приглашенное для исследования или оценки какого-либо предмета.
Эра — Выдающийся в жизни человечества или отдельного народа момент, достопамятное событие, от которого ведется исчисление времени.
Этический — нравственный.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От автора	3
Вместо введения	5
Фашизм—движение „физической силы и молодости“	7
Особенности фашистского движения в Италии	9
Общее положение Италии перед войной.—Земледельческие классы	11
Борьба крестьян и батраков	16
Промышленность Италии; роль банков. — Городской рабочий и его борьба	18
Годы подъема и поражения рабочего движения. Зарождение фашизма	23
Роль буржуазной молодежи в фашистском движении	31
Программа и устав фашистской партии	39
Организационное строительство партии	46
Боевые кадры фашистов—фашистская милиция	48
Союзы молодежи у фашистов	53
Расцвет фашизма	58
Черный „октябрь“	67
Муссолини у кормила правления	76
Международный фашизм и задачи революционной молодежи	94
Перечень иностранных слов и их объяснение	101

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

МОСКВА. Старая пл., 10-4.

КНИГИ О ГЕРМАНИИ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Вл. МИРОШЕВСКИЙ — Революция в Германии.
Сборник статей, с иллюстрациями. Красочная обложка.

ГЕРМАНИЯ ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ — Памятка агитатора.

У КОСТРА — Беседа четвертая. Как мы ездили в Германию.

А. ЧЕКИН — Германия на перевале. С иллюстрациями и картой Германии.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

ГЕРМАНИЯ В ОГНЕ — Клубный сборник. Сост. Политпросветом ЦК РКСМ.

ЧТО В ГЕРМАНИИ — Сборник в помощь деревенским клубам. С иллюстрациями и картой Германии.

Г. ЗИНОВЬЕВ — Перед новыми боями. С иллюстрациями.

ГОФМАН — Голодающая Германия.

А. МАСЛОВ — Очерки современной Германии. С иллюстрациями.

И-1-24.
р.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТ-ВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
Москва, Старая пл., д. 10/4.

ДЛЯ ПЕТРОГРАДА и СЕВ.-ЗАП. ОБЛАСТИ—в Петроград-
ское Отделение Издательства: Петроград, В. О., 5 линия, 28.

ДЛЯ СИБИРИ—в Сибирское Отделение Издательства „Молодая
Гвардия“: г. Ново-Николаевск, ул. М. Горького, 63.

ДЛЯ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ—в Витебское Отделение Издатель-
ства „Молодая Гвардия“: г. Витебск, уг. Смоленской и Биржевой ул.